

попаданец

ПОЩАЩЕНІЕ

Алексей Изверин

ЧУЖОЕ
ТЕЛО

Попаданец (АСТ)

Алексей Изверин

Чужое тело

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Изверин А. С.

Чужое тело / А. С. Изверин — «АСТ», 2018 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-109190-3

Однажды тебе начали сниться сны. И там, в твоих снах, целый мир. Там есть город на берегу моря, столица небольшого королевства. В порту качаются на волнах парусники, там чадающие факелы и тканые гобелены на грубых каменных стенах, суровые воины при мечях и в доспехах, важные торговцы, пышно разодетые слуги, утопающее в роскоши дворянство... Там самое настоящее средневековье! Там ты малолетний принц, будущий наследник престола. И хотя дворянство пока не замечает тебя, увлекшись интригами и праздной жизнью, некоторые молодые дворянки уже считают, что ты заслуживаешь их внимания. Конечно, кое-кому ты не очень-то и нравишься, и в отдаленной перспективе... Но когда это будет! А, проснувшись, ты снова обычный парень, каких много в нашей стране. Учишься, работаешь, не прочь отдохнуть с друзьями, иногда заглядываешь в спортзал, засматриваешься на девушек, где-то в отдаленном будущем маячит сессия. И что же случилось? Ты сошел с ума? О, нет, тот мир так же реален для тебя, как и этот. Но чем он станет для тебя? Просто сном, страшнейшим кошмаром, или возможностью прожить ещё одну жизнь, прекрасную и беззаботную, – в чужом теле? Это зависит от тебя.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-109190-3

© Изверин А. С., 2018

© АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	40
Глава 7	45
Глава 8	52
Глава 9	57
Глава 10	63
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Алексей Изверин

Чужое тело

© Алексей Изверин, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава 1

*Оставайся, мальчик, с нами,
Будешь нашим королем.*

М/ф «В синем море, в белой пене»

Я вижу сон.

Во сне я просыпаюсь, и вокруг меня такой зал... Да нет, не больничный, и вместо докторов в белых халатах стоят вокруг тебя негры с опахалами, лысые и мордатые, одетые в тяжелые плотные накидки.

Высокие и узкие окна закрыты тонкими двойными занавесками, черными. Через них светит яркое солнце, тени падают на меня и на шикарный балдахин над кроватью. В углах дымятся какие-то курильницы, вверх тянутся тонкие изящные струйки дыма.

Я смотрю на негров, они смотрят на меня. Недолгая пауза, и вдруг негры бросают свои опахала, что-то смешно лопочут, прикрывая рты ладошками, а потом синхронно падают ниц, выставив зады вверх и протянув вперед руки.

Я смотрю на них, они молчат, не шевелятся.

Через некоторое не такое уж и долгое время где-то с краю всего этого безобразия раздался быстрый топот, распахиваются тяжелые деревянные двери с неглубокой затейливой резьбой. В зал вбегает смешной толстяк европейского вида, в черном камзоле на голое тело и черных обтягивающих штанах. На ногах его сапоги с широкими отворотами, на плечах камзол, не застегивающийся на животе, и голое пузо смешно подпрыгивает на каждом шагу.

Толстяк с порога начинает говорить, торопливо и непонятно, каждое слово шурупом втягивается мне в голову, я морщусь. Толстяк не унимается, слова летят одно за другим, то ли возмущается, то ли испуган до крайности. Я равнодушно смотрю на него и вдруг ловлю себя на мысли, что понимаю что-то из этого словесного наводнения, и пойму все, если толстяк станет говорить медленнее.

– Не части ты, покемон, – пытаюсь сказать я. Только вот почему-то слова не идут дальше горла. В голове мысль есть, горло тоже напрягается, а вот язык почему-то не шевелится. Это же сон, как же тут разговаривать?

Покемон продолжает говорить, шуруп продолжает вкручиваться в голову.

Ну их всех. Вставать завтра рано.

Я закрываю глаза и засыпаю снова, дальше уже сплю без сновидений. До утра.

И проснулся субботним утром.

Лежал я на спине, в позе морской звезды, и глядел в потолок. Внутри головы раскачивался мутный туман, под веками скопилось ведро маслянистого песка, во рту мерзкий привкус. Странно, вроде бы вчера выпили не так много, шесть «Балтики-3»... Нет, семь! А ощущение такое, что мной всю ночь в футбол играли, да и снится не пойми что...

Поднялся с трудом, пошлепал на кухню, включил чайник, в ванной влез под прохладный душ, вернулся на кухню, по пути растираясь большим мохнатым полотенцем. Стало чуть легче.

На кухне закипел чайник.

В чашку ложку кофе, с другой ложки сахар, залить кипятком, размешать и встать с чашкой около окна. Сильно втянуть аромат, зажмурив глаза, как пэпэ в рекламе...

– М-м-м...

На улице лето. На небе ни облачка, солнце пылает в небе, под окном раскинули кроны деревья, зеленеет листва. Если перегнуться вниз, можно увидеть подъезд. Третий этаж всего, не высоко.

Сбоку новостройка, вот два года уже дом стоит, а заселен едва на треть, цены на квартиры растут как на дрожжах. Слева шоссе, по которому снуют туда-сюда автомобили. А прямо вид на пустырь, два оврага, заросшие леском, начало городского парка. Меж оврагов собачники давно уже тропинки протоптали, а вечером любители пивко пьют. С другой стороны от дома шоссе, сейчас слышится гул проезжающих большегрузов.

Вот так и живу.

Хорошо, что в институт не надо, сессия с грехом пополам сдана. А вот на работу уже в вечер...

Второй раз сон приснился мне уже на работе.

Ну да, на работе. Охранником я работаю, а они иногда за деньги спят. А что охранник... Надо же как-то студенту зарабатывать?

Вот вопрос – как?

Первое, что приходит на ум – грузчик. Но нет у меня такого здоровья! Одно дело раз в месяц покидать мешки-ящики, а другое дело регулярно этим заниматься... Хотя этот вариант неплохой, никаких умений не надо особенно, бери побольше и неси подальше.

Второе, это распространители-расклейщики и прочие гербалайфщики. Ну, тут обсужено-пересужено, работа эта уже известна и тайных мест там не осталось. Получаешь задаток в треть зарплаты и весь месяц клеишь по городу разную муть, рискуя налететь на ментов или получить по шее от возмущенных жителей, чьи подъезды от таких вот обклейщиков стали похожи на бумажную шубу. В конце месяца зарплату откладывают на неделю, а еще через пару дней фирма исчезает. Банкрот-с. С распространителями у метро тоже несладко, раздаешь весь день, а оплата тебе только за те листовки, что клиенты принесли в салон-магазин-ресторан, который ты рекламировал. Негусто получается на круг, а времени потрачено много!

Третье, это фастфуд, туда тоже народ постоянно требуется. Ну, тут тоже свои приколы. Работаешь ты, конечно, много, зато получаешь мало. Всем подряд хорошую зарплату платить это ж никаких денег не хватит!

Ну, дернулся туда-сюда и уже совсем было решил идти гамбургеры лепить, как в жизни моей появился знакомый моего отца. Дядь Петя, как его звали. С отцом служили вместе, после армии увиделись, но дальше «здравствуй, как дела?» не продвинулось их общение. И как-то так само собой получилось, что и я с дядь Петей всегда парой-тройкой слов перебрасывался, да и руку он мне всегда пожимал по-взрослому.

Петр Сергеевич еще в счастливом... в кавычках... девяностом уволился из органов МВД и открыл свое дело, частную охранную фирму. У нас их как грибов после дождя, каждый супермаркет с пивом и чипсами около метро своего охранника держит. У банков ребята серьезные, откормленные ряхи, на котлов жирных похожи. Инкассаторы через одного с помповиками, «Ремингтон» восемьсот семьдесят, настоящая американская мечта, только вчера из Турции. Ну а у нас...

– Что сидишь-то, орел? – спросил Петр Сергеевич.

– Да вот, дело такое... На работу не берут! – сказал я. Сидел я на лавочке около моего подъезда. Домой идти не хотелось, лекции родителей на тему хорошей учебы я еще в прошлом году наизусть выучил, а тут погода хорошая, правда дождь вот мелкий, но это ж ерунда, правда? Пиво не пил, чипсы не ел, потому что денег не было, сидел, старался лицо сделать умное и грустное одновременно.

– А что пробовал?

– Объявы клеить... Потом листовки раздавать... Вот в фастфуд пойти думаю... Или в грузчики лучше? Не решил пока.

– Понятно. Ко мне работать пойдешь?

– А что делать надо?

– Да ничего особенного! Вот лицо будешь делать такое же, как и сейчас... А остальному научим!

И пошел я в охранники. Дали форму, дали резиновую дубинку-тонфу, рацию дали, «Моторолу» истертую. Пару телефонов наизусть выучить, куда звонить если что. Ну и закон об охранной деятельности выучил, как же без него? В других фирмах не учили, типа не надо, а у нас серьезно все.

Поработал, с народом познакомился, с кем и сдружился, и через не очень большое время поехал на месячные курсы профессиональных охранников куда-то на юг города, в новостройки. Ну, там авторынок еще неподалеку и лес...

Сложно было. С физической культурой я до того серьезно не сталкивался, только вот в пионерлагере утреннюю зарядку делал, через раз. А тут бегаешь, прыгаешь, отжимаешься и постоянно инструктор у тебя над душой стоит, филонить не дает.

Но втянулся как-то. Когда хорошо в спортзале позанимаешься, тело так приятно ломит. И домой идешь хоть и уставший, но довольный, как крокодил!

И в остальные предметы тоже втянулся. Стрельба из «ижигов», почти что настоящих пистолетов. Законы об охранной деятельности и общие знания по законам, юридические моменты, с которыми могут столкнуться охранники в своей повседневной деятельности. Психологическая подготовка даже, два часа.

А уж как отметили выпускной... Взяли в ларьке около метро пива и пошли в лес за авторынком шашлыки жарить. Как домой попал, сам не помню. Но помню – звоню, открывает мне мамка, да с глазами по пять копеек. Уж и рот открывает, спросить, с каким-таким быдлом ребенок связался, он же еще маленький! Тут я и даю ей подарок – чайник электрический, зеленый такой, в магазине «М-Видео» купил, с первой зарплаты.

И говорю:

– Мама! Я уже взрослый!

А сам с дубинатором на поясе, в форме, с кобурой. В кобуре пневматика, рукоятка как у настоящего ПМ, уж и не знаю, как меня менты по дороге не замели.

– Сереженька! – только и сказала мне мама.

Ну, с той поры и есть у нас на кухне классный зеленый электрический чайник. Не любит его мамка, чем-то не глянулся. Но поскольку от души дарил, то до сих пор работает, несмотря ни на что.

Глава 2

*Мальчики танцуют,
Девочки танцуют.*

Какая-то старая клубная песенка

Негров теперь четверо. Двое с опахалами, один с тяжелой металлической бадьей, еще один важно держит в руках большое пушистое полотенце. Над бадьей поднимается парок.

Я почему-то сижу на кровати, а чьи-то руки трут меня влажными тряпками, поворачивают, поднимают голову и локти. Холодное и щипкое касается кожи под мышками, по лицу скребется длинное и тупое, волосы чуть дергает...

Больно же!

В поле зрения появляется еще один человек, не негр, обычный. Из одежды только обтягивающие штаны по середину икр и распахнутая безрукавка, а в руке здоровенные черные ножницы.

Тип примеривается и отхватывает мне прядь волос со лба.

Ножницы тупые, и мне снова больно, да еще как!

Я бью парикмахера ногой. Выходит неудачно, удар смазанный. Моя нога движется медленно, как и положено во сне. И потому тип с ножницами успевает отпрыгнуть, мой удар вместо низа живота попадает ему в коленку.

Снова больно, отбиваю себе пальцы.

– Бур-бур-бур-бур! – жалостливо говорит кто-то под ухом. Не видно кто, голос мужской. Тип с ножницами приближается с опаской, косится, боком идет, как краб.

– Бур-бур! – повелительно говорят со стороны.

Тип с ножницами закрывает глаза и делает еще шаг вперед, поднимает ножницы с досадой обреченного ни за что, ни про что.

Этак он мне голову отхватит, чудак... В нос целится! Стой, стой, кому говорю, стой...

– А ну стой!

– Ста-аять!.. – С этими словами я проснулся.

Спать на столе было не очень удобно, но делать нечего. Кроватей не предусмотрено, только кресла. Откидываешь спинку и спишь, на лицо кепку натянув. Твой напарник в это время кофе пьет, в мониторы смотрит и за сигнализацией поглядывает. Если вдруг что не так, то один будит второго и идет посмотреть, что случилось. А второй в это время в готовности отправить тревожный сигнал вверх по инстанции, директору или заму.

– Приснилось чё? – спросил Михаил, мой напарник на сегодняшней смене.

– Да ничё, – буркнул я. – Кофе где-то тут я себе делал...

– Да вон за монитором чашка.

Я вынул чашку из-за монитора, слепо поднес к лицу. Остыл уж, да и ладно... С шумом втянул горьковатую жидкость в себя.

Глаза сами собой начали раскрываться.

– Мих, ты давай... Я пока что, сна у меня нет.

Михаила долго уговаривать не пришлось, он мигом кресло назад, руки на стол, голову в руки и засопел счастливо.

Я же выпрямился в кресле и принялся смотреть на экраны.

Утром за мной мой товарищ заехал, с которым мы вместе работаем. Константин, среди своих Костик.

Природа Костика ростом и статью не обидела, как и мозгами. Чуть меня повыше ростом, но раза в полтора шире, с широкими запястьями и сильными плечами, с несколько мягкими чертами лица Константин, среди наших Костик, производил впечатление человека очень спокойного. И впечатление это не портили набитые за пять лет тренировок в тхэквонд кулаки, жим штанги лёжа под 120 килограммов и даже несколько шрамов на рассеченной когда-то брови. Физическую силу Костик проявлял хоть вальяжно и неторопливо, но быстро и решительно, а чаще предпочитал обходиться словами. По молодости успел он санитаром отработать в психиатрической больнице, несколько лет катался с бригадой на «скорой», обезвреживая «белочек», марсиан и агентов ЦРУ, а в свободное время учился на психологическом факультете одного очень модного вуза.

Сегодняшнюю ночь Костик отстоял на дискаче «Василек», самом сложном нашем направлении, а мой дом ему по дороге. Да и одному-то на новенькой «десяточке» скучно ездить, компания нужна.

Ну, нужна так нужна. Да и человек-то он неплохой, хороший даже, и энергетика у него хорошая. Хотя я в эти энергетика и не верю.

Открыл дверь, втиснулся в салон. Костик кивнул мне, вырулил со стоянки.

– Пристегнуться не забыл?

Я поспешно накинул ремень, щелкнул замком. В двери рядом со мной щелкнуло.

– Центральный замок! – сказал важно Костик. – Ну что, куда двинем?

– Да не знаю, ты ж с дежурства, Кость? – спросил я неуверенно. – Да и я полночи не спал. Может, по домам двинем?

– Да ты что, целый день впереди, погода хорошая, да и машину прокатить надо, а то не будет слушаться. Я еще и тыщи не прошел. Может, в Рязань махнем?

– А что в Рязани?

– Рязанки. И Серегиной сестре надо учебники передать, он просил.

– О, давай... – А почему бы и нет? – Поехали?

– Сейчас только карту погляжу... – Костик зашуршал бумагами в бардачке.

Машина нырнула в слабый утренний поток, чуть потолкались на выезде из города, проскочили мост через реку Москву и свернули на шоссе.

Урчал мотор, мурлыкала что-то негромкое музыка, асфальт с готовностью ложился под новые шины. Навстречу проносятся авто, грузовики и легковушки, промелькнул тентованный КамАЗ с прицепом. Тягач Scania тащил громадную фуру с надписью «Промхолод» через весь белый борт. Toyota Land Cruiser пристроилась сзади, с ревом обошла по встрече как стоячих детище Баварского моторного завода, она же – Боевая Машина Вора.

Деревенька, скорость сброшена. Бабушки на здоровенных стеллажах выложили товар. Полотенца, чайники-самовары, ведра с яблоками, картошкой, банки с маринованными овощами.

«Крузер» свернул, остановился.

Я откинулся назад, поерзал, устраиваясь поудобнее, и закрыл глаза.

Зря.

Надо мной нависает балдахин, на котором вышит корабль среди бури. Округлый трехмачтовый парусник несется куда-то по высоким волнам, разламывая их круто изогнутым носом. Над ним задувает облака щекастое лицо с длинными кудряшками и выпученными глазами. Под кораблем, в пучине морской, туповато косит тремя глазами буро-серый кит.

Хочется спать. Очень хочется спать, но почему-то голова совершенно ясная. Лежу и не могу пошевелиться, оцепенение, будто ниже головы и нет ничего.

Рядом голоса.

Вслушиваюсь.

Опять то же бур-рур-бур-рур-бур. Как кашу во рту перекачивают, а не разговаривают. Голоса разные, мужские. Один повыше, а второй басит очень. И в комнате очень много народу, очень много.

Надо повернуться.

Я попытался повернуть голову. Да где уж там... А вот глаза можно скосить, а?

На этот раз негров больше. Штук десять стояло вдоль стены, двое с опахалами застыли рядом с кроватью, еще один моет полы широкой серой тряпкой.

На мне пижама, нежный шелк. Не знаю, как выглядит шелк, но похоже очень, касания тела мягкие и прохладные. Пижама чуть жмет у ворота. Под головой мягкая подушка, в которую моя голова глубоко проваливается, когда я скашиваю глаза, то вижу ее край, мягкий белоснежный холм.

Почему-то вспомнилось детство, когда я лежал на боку и смотрел в комнату через край подушки одним глазом. И так мне тогда не хотелось просыпаться...

Источник шума в комнате давешний толстяк-покемон. Я его еще по первому сну вспомнил. Одежды своей он не изменил... Хотя стоп, сапоги-то поменял, на сандалии. Смешные такие, с загнутыми носками.

С ним разговаривает тип поколоритнее. Высокий, басовитый, в расшитом золотом камзоле и широких пышных штанах, на ногах атласные сапожки с длинными серебряными шпорами. Через плечо перекинута перевязь, роскошная, тоже шитая золотом. На боку из чернотолстых ножен выглядывает рукоять сабли, слева торчит что-то похожее на кинжал. Лицо обрамлено аккуратной курчавой бородой, нос с горбинкой, глаза какие-то быстрые, не поймешь, куда смотрит. И здоровенный, выше покемона на полторы головы и в половину шире.

– Пришел в себя? – спросил бас.

– Нет, ваша светлость, – ответил толстяк. – Всего лишь рефлекторные движения! Всего лишь. Но мы уже достигли большого прогресса! Год назад мальчик не открывал глаза и не мог говорить.

– Сейчас может?

– Нет, ваша светлость.

Его басистая светлость поправил ножны с саблей, а другой рукой горстью огладил бороду.

– Вы делаете успехи, мастер Клоту. Пожалуй, ваше золото оправдано, оправдано...

– Благодарю вас, ваша светлость... – Толстяк попытался согнуться в поклоне, но до конца не смог, пузо помешало.

Так это что, я их теперь понимать могу?

Тут я натолкнулся на взгляд негра, того, что полы мыл. Он тщательно возил по полу тряпку, согнувшись в три погибели, но глаза у него были острые, холодные, и смотрел он на меня. Миг, и снова в пол смотрит, пол протирает.

Почудилось?

И вдруг меня неслабо так потрянуло, и я проснулся.

Кочка. Спасибо вам, дороги российские. Машина на кочке подпрыгнула, я головой о стойку хлопнулся и проснулся.

– Не спи, замерзнешь! – усмехнулся Костик, не отрываясь от дороги. – Ты что, на дежурстве не выспался?

– Представь себе, нет, – буркнул я. – Кость, мы уже приехали?

– Ну так пока ты спал.

По бокам дороги тянулись панельные пятиэтажки-хрущевки, которые довольно быстро сменились старой застройкой, двух- и трехэтажными домами. Промелькнуло здание железно-дорожного вокзала, навстречу попался свадебный кортеж, три длинные черные «Волги», все

в цветах. Со второй «Волги» нам приветливо помахали рукой, я ответил, постаравшись улыбнуться как можно шире.

– Серега-большой звонил, сказал, что сестра его нас в парке ждать будет. Книги им отдадим...

– Как звонил? – не понял я. – Мы ж в машине?

– Сотовый у меня! Девяностые на дворе уж, темнота ты!

– А-а-а... – вспомнил я. И в самом деле, уже с полгода как на поясе Костика красовался чехол из настоящей кожи, в котором лежал предмет зависти и восхищения половины всей нашей конторы – сотовый телефон финской фирмы «Нокия». – Отдадим так отдадим...

Оставили машину на стоянке, рядом с парком. Костик библикнул новенькой сигнализацией, полюбовался задвинувшимися автоматически окнами. Подозрительно огляделся вокруг, пригладил рукой короткий ежик на голове и внушительно этак опустил в напоясную сумку-кенгурку панельку от магнитолы.

– Пошли? – предложил он.

Пошли в зеленый парк, в котором росли высокие и раскидистые деревья. Бросили мелочь в действующий фонтан, Костик мимоходом попытался познакомиться с симпатичными девушками на лавке, читавшими одну книжку на двоих. Как и ожидалось, девушки его отшили. Они сюда пришли книжку читать, а не общаться с разными пижонами.

Прошли парк насквозь и вышли к монастырю. Монастырь тут здоровенный, только начал отстраиваться. Туда и сюда сновали чернорясые монахи с важными лицами, таинственно возникали из одной низкой двери и так же быстро ныряли в другую.

Пара высоких церквей стояла в лесах, по которым как муравьи сновали смуглолицые рабочие, гортанно перекрикиваясь на своем языке. Вверх отправлялись ведра и доски, стучали молотки и шуршали скребки, шумно работал перфоратор. Толстый смуглый бригадир, похожий на мастера Клоту из моего сна, разве что одетый в кожаную куртку и штаны «Адидас», важно оглядывал своих работающих соплеменников и иногда косился на прохожих.

– Ну, наконец-то! – Костик улыбнулся куда-то мне за плечо.

Я обернулся, проследил его взгляд.

Около фонтана стояли две девушки. Обе высокие, стройные, фигурки одинаковые, и обе в белых облегающих платьицах го-ораздо выше середины бедер. Как сестры-близняшки. Вся разница лишь в том, что одна блондинка, а другая брюнетка.

– Маша, – представил Костик блондинку с зелеными глазами. Блондинка очаровательно улыбнулась, не отрывая от меня пристального взгляда. Я смутился, посмотрел в сторону, на фонтан. Девушки рядом с ним все так же читали одну на двоих книжку.

– Сестра Сергея, нашего коллеги.

Маша улыбнулась.

– Женя, – представил Костик брюнетку. Карие глаза и вздернутый носик. Брюнетка обожгла меня такой же улыбкой, как и ее подруга, и протянула руку ладонью вверх. Я сдуру пожал, что поцеловать надо было, уже потом сообразил.

– А это мой коллега, Сергей. Мы с ним работаем вместе.

– Очень приятно! – хором сказали девушки.

– Кость, давай книжки, – сразу же принялась за дело Маша.

Костик протянул ей сверток.

– Спасибо! Как вам Рязань?

– Хорошо! – ответил Костик.

– Твой друг, он всегда такой хмурый?

– Иногда бывает, – покосился на меня Костик.

– Ладно ему. Мы не кусаемся, – сказала Женя. – Вы уже в монастыре были? Там ремонт недавно сделали, пойдем, прогуляемся!

– А... – сказал Костик, растерянно оглянулся на меня, я ответил ему таким же растерянным взглядом. – Это... Да, конечно же!

– Так, сначала... – Маша задумалась, нахмурилась. Я должен был признать, что ей это очень шло... Впрочем, а что ей не шло? Девушке красивой пойдет все! – Сначала мы вас на горку проведем, оттуда хорошо видно! Пиво будете?

– Я, чур, пас, – сказал сразу же Костик. – За рулем!

– А руль где? – Пихнула его в бок Маша.

– В парке стоит... – Развел руками Костик.

– А твой стеснительный друг? Молодой человек... – Она взяла меня под руку. – А вы пиво выпиваете?

– Не, я тоже пас, – удалось выдавить мне.

– Какие скучные... – Округлила глаза Маша. – Вот мой брат... Что стоим-то, пошли! – Она решительно взяла меня под руку. Женя покорно позволила Костику чуть приобнять себя за плечи. – В восемь у нас кастинг, а нам еще собраться и накраситься надо!

– Что? – тупо спросил я.

Вспомнилось, Серега-большой рассказывал про свою сестру, которая устроилась в модельное агентство, ходит по подиуму, рекламирует. Но молодец, учебы не бросила, и учится на одни пятерки.

– Ты что, не знаешь, что такое кастинг? – Округлила глаза Маша. – И про модельный бизнес ничего не знаешь? Телевизор, что ли, не смотришь? Ну ты даешь, дикий совсем! Же-е-ень? Слышала? – Маша быстро обернулась назад и снова ко мне. – Пошли, пошли! Сначала к фонтану, там желания загадать можно!

Рязань – красивый город, особенно когда тебе его показывают красивые девушки.

На обратном пути я не спал, хотя глаза так и закрывались. В Луховцах остановились, в «Макдоналдсе» купили по паре кофе и гамбургеры. Уснул только дома уже, просто выключился и проспал совершенно без сновидений. На этот раз меня ничего не беспокоило.

Проснулся уже днем. И почувствовал себя не очень хорошо. Голова раскалывалась, все тело ломило, во рту как кошки нагадили. И самое обидное, что вчера я не пил!

Встал кое-как, включил компьютер, доковылял до ванной. Душ, контрастный, холодный-горячий, холодный-горячий. Потом холодный. На улице плюс тридцать, в условиях города все плюс сорок. Жарко, душно, через открытые настежь окна в дом несет липкую пыль с дороги.

Поставил чайник. Порылся в холодильнике, нашел обрезок сыра, масло, половину батона позавчерашнего хлеба.

По жаре и духоте выходить на улицу совершенно не хотелось, хотелось в прохладу и покой. Желательно вот лечь сейчас в воду, речку какую-нибудь, и смотреть, как над тобой склонились ветки деревьев... Но не получится, вечером обязательная программа. Петр Сергеевич лично проверяет, как сотрудники его фирмы готовы к выполнению принятых на себя обязательств.

Тренировка для сотрудников фирмы начиналась в шесть. Рюкзак у меня уже уложенный стоит, там спортивная форма, тапки, полотенце, перчатки, бинты на руки, йод и пластырь, еще две тонфы разборные, моя гордость. Металлический стержень с резиновой оплеткой, примерно на расстоянии длины моего локтя отверстие, куда рукоятка вставляется перпендикулярно к основной части и фиксируется одним махом. По отдельности просто две палки, одна короткая, другая длинная, а вместе – тонфа, удобная дубинка.

Опоздал чуть, к моему приходу тренировка уже шла, и только что закончился один спарринг.

Костик сидел на лавочке, выставив ноги вперед и морщась. Над правым глазом у него рассечение, кровь редко капала на дощатый пол. Валерий Алексеевич, зам нашего генерального, ловко облил ранку чем-то жидким и быстро, но очень аккуратно залепил длинной полоской пластыря.

– Кость, увлекаешься, – сказал он недовольно. – Вот попался тебе человек с хорошей «двойкой», и где теперь это ногомашество?

Костик только охнул.

А рядом с ними неуверенно перетапывался Серега-большой, брат Маши и наша основная ударная сила.

Да, он и в самом деле большой. Росту в нем под два метра, жира ни грамма, а в ширину в нем таких, как я, двух уместить можно. Удар у него хорошо поставлен, груша аж сгибается, а пресс такой, что я даже с ноги в пузо не всегда могу взять. Костяшки рук сбиты, лицо простое, с парой незаметных шрамов, светлые короткие волосы и ослепительно-синие глаза. Если со стороны смотреть, очень похож на нордическую бестию, которая так и норовит засадить кому-нибудь кулаком промеж глаз... Что, страшно? То-то же. Но ко всему этому набору в нагрузку дается немного обостренное ощущение справедливости и куча пошлых анекдотов в придачу. Хороший парень, всегда поможет, улыбнется, как бы плохо ни было.

Занятия самбо и рукопашным боем в школе проложили Сереге-большому дорогу в Войска Дяди Васи, сначала рядовым, а умение не только быстро бегать и метко стрелять, но и шевелить мозгами проложило дорогу в воздушно-десантное училище.

Распад Союза встретил Серега-большой офицером ВДВ. Офицером отправился и на первую свою войну в одну маленькую, но гордую республику, после которой, наверное, и появилась у него некая отстраненная пустота в глазах. Офицером и вышел же в отставку, когда с какого-то перепугу министр обороны сократил ВДВ чуть ли не вдвое. И поехал Серега на заработки в Москву, лучшей доли искать, благо руки у него были золотые и головой не обижен.

Конечно, без приключений не обошлось. Как и что было, Серега-большой рассказывал скупно, но с той поры очень сошелся с Петром Сергеевичем, работой доволен был и менять не собирался.

– Кость, ты как? – неуверенно спросил Серега-большой.

– Да жить буду, ничего страшного! – отозвался Костик бодро.

– Вот и славно, – ответил на это Валерий Алексеевич. Статью он чуть уступал и Костику, и Сереге. Чуть пониже ростом, чуть поуже в плечах, но дядька спортивный. На вид ему лет тридцать пять, сколько точно, никто не знает, может, к сорока ближе. Бывший мент, откуда-то его Петр Сергеевич нашел и сразу, не чинясь, назначил своим замом по боевой и стрелковой подготовке, да и по остальным вопросам тоже. Заданные обязанности Валерий Алексеевич хорошо тянул, в спаррингах наравне с нами, с молодыми, стоял, а еще у него народу знакомого много везде и всюду, и знал он если не все обо всех, то многое о совершенно разных. Да и сам мужик более чем нормальный, практически любой вопрос с ним можно было решить. Денег не брал, иногда брал коньяк, причем сам выпивал очень редко. Но в напитках разбирался хорошо... Именно от него пошел наш фирменный коктейль, с легкой руки Сереги прозванный «Неспин», основанный на коле, кофе, коньяке и еще каких-то травках, который возвращал потребляющему его бодрость на пару часов.

– Какие люди! – как родному обрадовался мне Александр Вербицкий, мой коллега. По уровню он сильно ниже Сереги и Валерия Алексеевича, но чуть меня повыше, ему-то как раз со мной стоять в паре хорошо. – Проходи, чувствуй себя как дома...

– Да запросто...

– Ладно, хватит разговоров, – подвел черту Валерий Алексеевич. – Саш, тебе Сергей пойдет. Сергей... Который большой. Ты со мной достойшь, Константин, отдыхать. Продолжаем. Полторы минуты свободного спарринга.

Александр, действующий мечник из клуба какой-то там исторической реконструкции, привык размахивать тяжелым железом в виде специально затупленного меча и копья, или чем они там машут, и на этой почве наработал себе неплохие физические кондиции. Но вот рукопашка пока ему не очень давалась...

Пропустив пару ударов в корпус, Вербицкий хорошо отработал мне по ноге, и в этот момент зазвенел будильник. Я присел отдохнуть на лавочку.

– Три минуты отдыха, потом еще по три минуты, – сообщил нам Валерий Алексеевич, тяжело дыша. Серега погонял его хорошо.

Вновь зазвенел будильник, мы с Вербицким встали друг против друга. На этот раз мне повезло больше. Озадачив своего противника широким замахом правой, я с левой ноги обозначил ему замах в голень, а когда Вербицкий опустил глаза вниз, то сорвал дистанцию, схватил его за плечи и усадил на свое колено. Получилось хорошо, прямо в пузо, которое реконструктор напрячь не успел.

– Эк! – выдохнул Вербицкий.

Костика в это время обрабатывал Валерий Алексеевич. Костику приходилось тяжело, Валерий Алексеевич обрабатывал оппонента по полной, легко в голову, грудь, ноги, грудь, голову, прокатывался как катком.

С подоконника звякнул будильник.

– Хорошо, – подвел итог Валерий Алексеевич. – Отдых три минуты, потом силовая по самочувствию. Сергей, – это мне, – ты к «груше». У тебя все никак удар не идет, будто девушку гладишь!

Вздохнув, я приступил.

После тренировки домой пешком. Костик занят на дежурстве, у него снова ночная смена в «Васильке», с ним сегодня в паре Серега-большой стоит. Зачем Петр Сергеевич связался с этой дурной дискотекой на окраине, я просто не понимаю. Все время там что-то происходит. То бандюки приедут и в «шашечки» играют на джипах, то наркоманы устроят массовый торчок-шоу, закинувшись таблетками прямо посреди пати, то просто дерутся все против всех.

Хозяин дискача, пожилой кавказец Ашот, потом клялся-божился, что ни ногой не пустит хулиганов-дебоширов, да только если слишком строгий фейс-контроль, то вообще никто внутрь не пройдет, прибыли хозяину не будет... Потому приходится делать послабления, фильтруя уж совсем отмороженных, которые, к слову, совсем не желают мирно отправляться восвояси, а с допущенными решать быстро, не давая мелкой неприятности развиваться в большую проблему. Вот потому-то там стоят самые-самые, Костик, Серега-большой, Олег, Генка. А такие, как я или Вербицкий, на подхвате там в лучшем случае.

От нашего спортзала до метро недалеко, а вот на метро ехать уже далече.

Попрощался с Вербицким, который решил продолжить распитие пивка у палатки. Он кого-то из своих друзей ждал, собрались на какой-то там древнеславянский праздник, через костры прыгать, наверное.

Сел на лавку в конце вагона, положил рюкзак на колени и не заметил, как задремал.

И проснулся.

Лежу и смотрю в потолок. Ночь, на стенах трещат факелы, пахнет смолой и чуть-чуть еще чем-то, непонятно. В углу курятся благовония в большой бронзовой чаше. Над ними видны красные отблески огня.

На вышивке все тот же парусник плывет по волнам. Только теперь огонь от факелов бросает на него отблески, и кажется, что парусник плывет по алому морю и паруса у него тоже алые.

Повернул голову влево, потом вправо.

Никого нет.

Хотя как это нет?

Вот двое негров сидят у дверей, водят головами, смотрят на факелы и на меня. Пока никак не реагируют.

Нет, заметили. Поднялись с колен, один подошел к факелу и что-то такое с ним сделал, так что он загорелся еще больше, а второй тихонько скрипнул дверью и выскользнул из комнаты.

Второй все шел по кругу комнаты, запаливал факелы лучиной. Я за ним следил, поворачивая голову. Шею немного сводило, но все равно тело работало. Ничего вроде бы не болело.

Так, снова. Как меня это все достало.

Я попытался приподняться.

Выходило. Хотя слаб еще, да и одеял на меня навалили целую гору, как бы не задохнуться под ними окончательно. Тяжелые... Так, одеяла нафиг. Первое, и р-р-раз!

Ну заслаб я тут, во сне. Ручки-ножки тонкие, движения какие-то не сильные. Еле шевелюсь. Второе одеяло тоже нафиг! Ух, и тяжелые же. Как маты спортивные, да и те легче будут, пожалуй. Третье, вот мы его сейчас...

Подняв голову, я увидел шагах в трех перед собой человека. Вполне европеоидное лицо, разве чуть смугловатое и раскосое, одет в свободную грубую рубашку белого цвета, зеленый, расшитый желтыми нитями жилет, черные вязаные колготки и грубые башмаки с большими пряжками.

– Ваше высочество. – Человек склонился в поклоне. Слуга он, получается? Хотя вот что-то лезет на язык слово «лакей». Ну совсем таких в исторических фильмах показывали! А колготки эти называются «лосины», или как-то так. Мужчины в древности такое носили, пока джинсы не придумали.

– Чё это ты? – спросил я. Голос мой звучал как-то странно.

– Ваша высочество, за доктором уже послали. Чего изволите?

– Пива, – наудачу попросил я. Откинул последнее одеяло и встал на ноги.

Ох, а слуги-то тут высоченные! Как я встал, так сразу и понял, что гляжу на него снизу вверх.

Лакей склонился в поклоне и куда-то смылся, только его и видели.

– Ничего себе. Сон в руку, – сказал я вслух. И пошел к двери.

Не дошел, конечно. Стало плохо, стало сводить ноги на холодном полу. Нет, не то что на холодном – пол был просто ледяной, как будто по снегу бегаешь. Надо бы тапки какие-нибудь поискать, что это я? Вот, скажем, под кроватью?

Я подошел поближе, стараясь ступать ребром стопы, наклонился, отдернул покрывало, посмотрел.

Да нет ничего, кроме ночного горшка. Золотой, причудливый такой, в виде держащих вазу пузатых толстяков с веселыми улыбками и зубастыми ртами.

И пыли-то, пыли... Все в пыли. Сантиметровый слой.

Ругнувшись, повернулся к выходу.

В этот момент двери распахнулись, влетел уже знакомый мне толстяк-покемон в пышных штанах и безрукавке.

– Ваше высочество! – с порога гаркнул приодевшийся толстяк и поспешил ко мне.

– А ну стой где стоишь, дон Педро! – предупредил его я.

Толстяк затормозил буквально в метре от меня, раскинул руки широко-широко.

– Выше высочество, как вы себя чувствуете?

– Холодно, – буркнул я.

В дверях показался слуга, которого я за пивом отправил. В руках он волок серый кувшин с широким горлом.

Накатила внезапная слабость. Поднялась с ног, правую ногу свело, потом левую тоже, я резко наклонился, вытянулся на носках... Перед глазами медленно уплывало в темноту лицо толстяка.

Темнота.

И новая морда у меня перед лицом, рябая. Над ней шапка-пидорка, под ней кофта с высоким горлом. И еще что-то у меня в нагрудном кармане шарит.

Вытянул левую руку, от которой Рябой увернулся, но вот правую в печень он как-то не ожидал.

– Уп...ц, – сказал Рябой, выронил обратно мой кошелек и начал заваливаться на меня. Не, ну совсем как «груша», разве что та не бледнеет при удачном попадании и на тебя не валится. Хотя на Серегу-большого однажды завалилась, он как раз нам какой-то удар показывал...

Я убрал кошелек обратно, столкнул Рябого вбок, поднялся.

– Э, да ты чё, граждане, он человека... – Я посмотрел влево. В проходе вагона стоял парень, суховатый и худющий, чернявый. – Э да ты чё его ударил, мы помочь хотели...

– А ну, подставляй хохотальник... – Я выхватил из рюкзака тонфу, защелкнул рукоятку и пошел по направлению к Чернявому. Раз, два, три шага...

Чернявый что-то буркнул и стал отходить назад, голову наклонив и спрятав руки за лапами куртки. Все дальше и дальше. В вагоне еще трое сидят, но они-то не помощники, бабка вообще прыжком к дверям и бормочет что-то себе под нос.

Заметил что-то в глазах у пассажира, тот глядел мне за спину.

Оборачиваться не стал, уклонился вправо, едва не свалившись на лавку, пропустил летящее тело и в пролете ткнул его коротким концом тонфы под ребра. Рябой споткнулся, согнулся, пытаясь вздохнуть, а я подхватил его свободной рукой за воротник и перекинул мимо себя, в сторону оживившегося Чернявого.

Оба гопника полетели друг на друга, а потом поезд стал тормозить и вылетел на станцию метро.

Закашляли громкоговорители.

– Осторожно, двери...

– Привет, уродцы! – сказал я, хватая рюкзак и прыгая за дверь.

Двери закрылись, с той стороны к стеклу прилипло лицо Чернявого, он ножом постарался расширить дверь, но поезд уже тронулся.

Я запихнул дубинку обратно в сумку и привалился к колонне.

Постоял немного, унимая дыхание, потом отлип от колонны, забросил сумку на плечо, улыбнулся менту, который уже с подозрением пытался вычислить степень моей алкогольной подогретости и кредитоспособности, и потрусил к противоположному направлению поездов. Станция как раз в другом конце города, еще и обратно ехать надо будет.

Сны, будь они неладны.

Глава 3

*Знаешь, нас наконец настигли
Люди, которые играют в игры.*

Гости из будущего

Ночь я проспал как убитый, без снов, и проснулся часов в двенадцать. И часа через полтора в голову полезли не всякие приятные мысли. Что бы со мной было, если б не заснул в метро?

– Гомосеки, – сказал я громко в пространство, забрасывая в кипящую воду пельмени.

Кошелек бы точно вытащили, а на конечной станции меня бы менты приняли. Остался бы гол как сокол да еще и в КПЗ. Замечательно день провел.

Открыл холодильник, ткнулся рукой в прохладную бутылку ненастоящего «Гиннеса», вытянул ее наружу. Внутри еще пять таких же осталось. Пока пельмени готовились, закончил с одной бутылкой, потянулся за второй... И к вечеру стало уже совсем хорошо. В смысле нажрался.

Мысли как-то по кругу катались.

Не-не, ну не бывает же так, а? Так не бывает. Так только в книжках бывает. В дурных фантастических книжках, коих у меня целая полка. Да еще и, дурак, их у Мишки беру, на прочтение. Скоро звездолеты будут сниться. Бластеры. Лазеры. Ракеты. Виктория Харрингтон уже снилась раз, с котом и без одежды.

С этими мыслями я отхлебнул еще пива, сморщился. Меня сразу замутило, все же больше я выжрал, чем хотелось бы, и меньше, чем моглось.

Снова пробуждение.

Парусник тот же. На этот раз день.

Вот и негры в набедренных повязках с опахалами. И европейского вида слуга, снимает и выносит в коридор прогоревшие за ночь факелы. В окна через неплотные шторы пробиваются лучи утреннего солнца.

– Привет, уроды, – громко сказал я в пространство, прям в балдахин с парусником. – Вы что же за такое мое личное наказание? И за что?

– Ваше высочество! – воскликнул слуга. И все рухнули на колени, морды в пол, задницы вверх.

– Где пиво? – спросил я, скидывая с себя тяжелые душные одеяла.

– Ваше высочество! Мастер Клоту запретил! – ответил слуга, чуть оторвав лицо от пола. Сказал, и опять глаза в пол.

– ...ему в...! – ответил на это я. – Неси быстро, холодного! А ну!

Слуга с места сорвался в полет.

Не выплюсь, так напьюсь.

– А вы, четверо с ларца, одинаковы с лица, быстро объясните, что тут творится...

– У-у-у... – завyli все четыре негра. В унисон хорошо попали, надо сказать.

– Молчать! Так... Говорить будешь... Вот ты! – ткнул я босой ногой в того, кто был ко мне поближе.

– Аыу... – начал подвывать негр. Остальные молчали, уткнув лица в пол.

– Ну так. Что тут за концерт самодеятельности? Вчера из-за вас, недоумки, меня чуть не ограбили. А что сегодня? Короче, хватит мне уже сниться. Или снитесь что-нить поприятнее.

Например, бабы с сиськами. Сиськи – это всегда хорошо. Когда они красивые. Сиськи приносят радость и счастье. Когда видишь сиськи, то становишься умнее и добрее.

Дверь распахнулась, влетел слуга с пивом.

– Во, то, что надо. – Я уселся на кровати, принял кувшин, приняхался. Холодное, вот как пальцы холодит, но выглядит... Странно. Пена не очень большая, тяжелое, на вид вязкое какое-то. Ну да ладно, вроде бы пивом пахнет.

Обхватил поудобнее, сделал большой такой глоток.

Пиво как пиво, кислое, но пить можно. Липкие струйки потекли по усам, голова закружилась... Отхлебнул я хорошо, слишком.

Отставил кувшин в сторону, отдышался.

Шаги по коридору за дверью.

О, снова толстяк в безрукавке.

– Ваше высочество! – С порога склонился в поклоне толстяк.

– И тебе доброе утро, – сказал я.

– Ваше высочество, как вы себя чувствуете?

– Как чудак, – ответил на это я. – Что тут происходит-то, а? И ты кто такой, откуда взялся? Вообще, это все откуда?

– Ваше высочество, вы долго болели. – Еще раз склонился в поклоне толстяк.

– Ты тоже здоровым не выглядишь, – на всякий случай сказал я.

– Вы долго болели, ваше высочество, – повторил толстяк, несколько не сбившись с мысли. – Я ваш врач, мастер Клоту, из Альтзора. Это ваши покои, ваше высочество. Вас сюда перенесли после того, как вы не проснулись. Я, ваш верный слуга, неотступно находился при вас. Три дня назад началось улучшение. Вести о вашем скором выздоровлении отправлены вашей царственной матушке, которая гостит в Империи. Смею заметить, что пиво вам еще рано...

– Ты еще что умное скажи. – Я сделал еще один глоток и замер, унимая начавшееся головокружение. – Альт-Трезор это где?

– С другой стороны Неделимой Империи, ваше высочество. – Еще раз поклонился мастер Клоту. – Я добирался с караваном из столицы. В море беспокойно, пираты с Белых Скал все чаще и чаще подходят к побережью. Многие купцы идут по Королевской дороге.

– Очень хорошо. – Сон так сон. Не буду спрашивать, где же такое Полуденное море, а то так разговор долго продлится. – Поесть у вас есть что? Честно говоря, проголодался.

– Конечно, ваше высочество! Но смею вам напомнить, что в вашем положении надо есть острое, дабы взбодрить кровь. Вы так долго лежали...

– Сколько же я лежал?

– Пять лет, ваше высочество.

– Вот это да. – Я запил новость пивом. И не такое уж оно и противное, хотя и крепкое! – Слушай, мастер, как там мой обед, раз уж это сон?

– Сон, ваше высочество? Что вы имеете в виду? – Мастер Клоту склонился как мог ниже.

– Да ничё, не важно. Где еда-то? А кстати, ну-ка... Обратись ко мне по полному титулу!

– Его высочество наследный принц Соединенного Королевства Ильрони и Альрони Сед-дик Шеен Ильрони, лейтенант королевской гвардии, опекун гильдии врачей, герцог Ильрони, граф Штатский... Это сокращенное титулование вашего высочества.

– И это все? – глупо спросил я.

– Мои глубочайшие извинения, ваше высочество! – В пояс поклонился мастер. – Я не силен в дворцовом этикете, и мой удел – пробирки да микстуры. Но вы можете приказать позвать сюда распорядителя церемоний, он ответит много лучше, чем скромный доктор...

– Позже, – бросил я. – Где еда-то, мастер? Кушать охота. Этим... – я потряс пиво, – сыт не будешь. Что закусить есть?

– Что закусить, ваше высочество? – переспросил мастер.

– Закусить... – Я вдруг понял, что меня могут просто не понимать. Что еще закусить? Закусить удила или заесть что?

– Мясо есть? Фрукты там какие? Хлеб? Мастер, высочество моё тут кормить собираются или надо пройти куда, а?

– Ваше высочество, прикажете подавать сюда?

– Подавать, – разрешил я. – А заодно и расскажете мне, что тут такое творится. Подробно...

– Один момент, ваше высочество! – Мастер Клоту выглянул за дверь, что-то тамскомандовал.

В коридоре слышались шаги и пыхтение. Несколько слуг внесли в комнату доски, перевязанные алой тканью. Ткань развернули, доски шустро собрали. Получился невысокий, но удобный стол, почти на уровне кровати. Единым взмахом застелили стол алой скатертью, поставили неудобный стул с высокой спинкой и подлокотниками.

Пришел еще один слуга, принес бронзовую миску... Не, судя по важному его лицу – чашу, с чистейшей и холоднейшей водой, бока чаши подернулись росой. Водрузил на стол, рядом широким жестом высыпал горку малиновых лепестков.

– Это что, еда? – спросил я, усаживаясь на стул.

– Нет, ваше высочество. – Мастер Клоту как-то странно на меня посмотрел. – Этим омыть лицо. Утреннее умывание, ваше высочество.

Я поплескал из чаши себе на лицо, потом опустил туда руки, побултыхал, поискал, чем бы вытереть.

– Розой, ваше высочество, – подсказал мне мастер Клоту.

Попробовал лепестками, только разбросал их по столу. Потом просто руками стер наиболее большие капли.

– Итак, где еда?

– Несут, ваше высочество. – Выглянул за дверь мастер Клоту.

Целая процессия слуг стала расставлять на столе многочисленные кушанья. Тройка широких плоских тарелок, накрытых высокими крышками, пузатые чашки-горшочки, длинная двузубая вилка, нож, похожий на маленький кинжал, две ложки, одна обычная и одна с острым краем. Золотое все, поди ж ты! Налили какое-то горячее питье в высокую золотую кружку, обмотали кружку полотенцем и торжественно водрузили у меня перед носом.

Еда. Приятного аппетита типа.

Но вот как-то даже не знаю, хочу ли я есть. Не понять. Вроде бы...

Прислушался к себе.

Не хочу. Или все же хочу? Нет, скорее хочу, чем не хочу... А, пошло б оно все. Приятного аппетита.

Схватил кружку, памятуя про вазу для умывания, поглядел на неё со всех сторон, принюхался. Вопросительно посмотрел на мастера Клоту.

– Это утреннее питье, ваше высочество. Такое пьют в Неделимой Империи. Настойка ароматных трав. Пьют горячим.

– Спасибо. – Я принюхался, потом отставил в сторону. Жаль, что кувшин с пивом под шумок куда-то унесли.

Решительно поснимал крышки с тарелок. На одной целиком зажаренный заяц, кокетливо держащий во рту яблоко, на другой россыпью каша, гречневая, кажется, на третьей сваренные овощи, с виду один в один как кабачки. Отдельно лежат круглые булки-плюшки, варенье в прозрачной чашечке, целый чайник с настойкой, которую пьют в Неделимой Империи, и так, по мелочи. Какие-то судки, мисочки, тарелочки.

– Это на какую р... рт... – Да что же такое снова, ваты в рот напихали, пока спал! – На сотню, что ли?

– Нет, ваше высочество! Это легкий завтрак... Я не силен в этикете, еще раз прошу меня простить...

– Присоединяйтесь. – Широко я повел рукой. – Эй, вы, су... Слуги! А ну, еще один стул для достопочтимого мастера! Живее! И еще чашку. Мастер, по-видимому, это варенье...

– Но, ваше высочество...

– Давай, хватит ерунду городить. Не люблю завтракать в одиночестве.

Слуги метнулись, принесли стул, расставили дополнительные тарелки-чашки, положили вилки, нож, налили в питье в кружку.

Мастер Клоту неловко уселся, осторожно взялся за предложенную чашку, налил себе, пригубил.

Некоторое время ели молча. Мастер Клоту явно стеснялся, крутил в руках то вилку, то ложку. Я же все никак не мог примериться, вилки, ложки и ножи были здоровенные, как будто для гигантов сделаны. Сначала схватил нож в правую, вилку в левую, попытался отрезать кусок, едва не вывихнул себе руки. Что вилка, что нож крайне непривычны, вилка двузубая к тому же, и сама на небольшой кинжал походит. Отложил вилку, тупым, гнувшимся ножом отломал большой кус заячьего бока, разломал руками вдоль булки, сделал себе бутерброд, откусил. Мясо нежное, тает во рту, но вот только пресное все, что мясо, что хлеб. Без соли они его тут готовят, что ли? Сморщился, глотнул настойки. Вкусная, сладкая и чуть жжется. Похожа на чай с медом и мятой, меня таким от простуды отпаивали в детстве.

– Мастер, не стесняйтесь. Пробуем... Кушаем. И рассказываем, потихоньку так.

– О чем, ваше величество?

– Как это о чем? – Я куснул бутерброд, запил настойкой, поглядел на внимательно меня слушающего мастера Клоту. – Как это о чем, мастер? О том, где это я.

– В королевском замке, ваше высочество, – осторожно ответил мастер.

– Хорошо. А где это?

– В столице, Ильрони.

– Это столица Соединенного Королевства?

– Да. – Брови мастера взлетели вверх. – Ваше величество, вы потеряли память?

Мастер поглядывал на меня с опаской, но пока что руки вязать не бросался.

Я поморщился.

Сцена начинала напоминать Мишкину фантастику, а не бредовый сон. Фантастика, где не бластеры, звездолеты и Галактическая Империя, а мечи, замки и колдовство. Фэнтези то есть. Хотя... Колдовства вроде пока не продемонстрировали, зато негры есть, стоят по углам, опахалами машут. Если негры есть, значит, это черное фэнтези, верно?

Да что за мысли-то дурные в голову лезут?

– Считай, что да. Рассказывай, если что-то не ясно, я спрошу. Рассказывай.

Королевство это называлось «Соединенное Королевство Ильрони и Альрони», располагалась на континенте. Столица – город Ильрони, город-порт. Из окна видны корабли, грубые такие парусники меж длинных просевших крыш складов. Склады черные, а паруса белые-белые, как пух, а вдалеке за ними нестерпимо блестит вода.

Еще виден форт, закрывающий бухту. Стены конусом поднимаются вверх, подпираемые круглыми башнями с плоскими площадками наверху. Там что-то стоит, какие-то сооружения, не то пушки, не то катапульты.

Между окном и портом вниз спускается город. Крыши домиков, покрытые лазурной черепицей, протискиваются через сплошные заросли зеленых крон, деревья и лоза сплелись в один сплошной зеленый ковер, лишь изредка прорезаемый светло-серыми дорогами. Между городом и портом виден гребень стены, на которой вспыхивают на утреннем солнце шлемы страж-

ников. За стеной город продолжается, но уже гораздо более пестрым одеялом. Меньше зелени, больше длинных крыш складов и пестрых крыш домиков попроще.

Пахнет хвоей и еще чем-то морским. На небе легкие кучерявые облачка, в мою сторону дует ветерок.

Жары особой нет, терпимо, жить можно. Особенно когда стоишь с глиняной кружкой, полной ароматного чаю, и глядишь с высоты неясно какого этажа на море.

Соединенное Королевство – монархия. Не знаю, какая именно. Абсолютная, конституционная, консервационная или еще там какая. Правит король. Есть разные там графья, бароны и даже три герцоги. Благородные рыцари разъезжают по дорогам на конях и тычут копьями друг в друга за прекрасных дам. Крестьяне трудолюбиво пахут и стога сгребают. Купцы богаты, горожане уважительны к власти и не бунтуют. Соседи далеко, на границы не покушаются.

Ну и конечно, я наследник престола. А как же во сне-то, во сне мы все принцы или короли! Вот и я тоже принц, будущий король. Лет пять назад уснул, да так, что не проснулся. Сначала просто за уши щипали, потом по щекам били, воду в лицо лили, потом прибегли к более радикальным методам.

Не просыпался, так и спал.

Тогда кинулись по докторам. Придворных докторов разогнали, а кого и казнили под горячую руку, стали приглашать со стороны. Ну, и приглашенные ничего не могли сделать, и потихоньку доктора перестали сюда ездить, ибо случай безнадежный, а если не ко двору придеешься, так тут и казнить могут. Опустили уже было все руки, но вот нашелся мастер Клоту, непризнанный гений. Выписали издалека, добирался он тоже долго. Но все же добрался, уже год тут обретался. Весь год меня лечил, что только ни делал, и вот наконец-то вылечил, слава Светлым богам!

– Вы практически сразу начали двигаться, ваше высочество. – Забыв про стынувший чай, приплясывал мастер Клоту. – Теперь-то все узнают, что я был прав! В Королевском университете теперь узнают! И даже в Имперской Академии врачевания теперь все узнают, что я прав-то был, узнают...

– Мастер, – обернулся я к нему, – а у вас что, все такие высокие?

– Какие высокие? – Поднял бровь мастер.

– Ну... Я довольно маленького роста...

– Маленького? – Брови мастера поползли вверх. – Ничего удивительного, ваше высочество! Вам же еще только пятнадцать зим минуло! Подрастете ещё! В трактате Агафона Цинского сказано, что...

– Сколько? – Я посмотрел на свои руки. Руки как руки, ничего странного нет... Ногти подстрижены, ладони мягкие, а вот набивки-то нет на костяшках, результат моих годовых трудов с макиварой!

– Мастер, а у вас тут где зеркало?

– Вот там... – показал рукой мастер. Услужливо помог мне отбросить портьеру, встал сбоку.

В большом, на всю стену зеркале на меня смотрел парнишка. Молодой совсем, лет тринадцати я бы ему не дал, меньше. Очень исхудавший, с удивительно знакомыми мне чертами лица, только много более острыми. На голове топорщился неровный черный ежик волос, непонятного цвета глаза выделялись на лице, как озера.

Опа. Да я же ребенок!

Закрыв глаза, чтобы проморгаться.

И судорожно вздохнув, вскочил, перегнувшись в поясе, на своей родной кровати, в своем родном доме.

Да будь ты неладно.

Опустился обратно, закрыл глаза и снова провалился в сон. Без сновидений.

Глава 4

*Вокруг так много интересного,
Когда ты сходишь с ума.*

Одна не очень известная панк-рок-группа

Утром проснулся совершенно разбитый.

Еле-еле перевернулся на другой бок, скатился с кровати, поплелся на кухню, поставил чайник. Кое-как сделал бутерброд, запихнул его в микроволновку, поставил на подогрев.

Тело никак не хотело развязываться. Болели ноги, шея затекла, плечи просто стонали. Еще спина отзывалась протестующе, словно я ночью мешки грузил.

Добрался до душа, но вода не принесла облегчения, такой же разбитый я поплелся на кухню. Сел, прислонился спиной и затылком к стене, прикрыл глаза. Голова как ватная, мысли медленные и суровые.

Ну и сны иногда приснятся, надо же, как закрутило.

Дзинькнула микроволновка. Поесть готово.

Кое-как глотал кофе, заедая быстро остывающим бутербродом.

А не сошел ли я с ума? Может, вот так все и начинается, сначала сны, потом мастер Клоту даст мне задание пройтись голышом в автобусе или залезть на вышку. А то и убить кого. Может, у психов так крыша-то и едет?

Ну да и ладно. Будем решать проблемы по мере их поступления. А про сны... Есть же Интернет, там многое может быть!

Про сны в Интернете оказалось много, даже слишком. Поиск по ключевым словам, с названиями королевств и даже с именем мастера Клоту не принес ничего умного и путного, какая-то фэнтезийная ерунда про рыцарей и магов.

Я замер, положив руки на клавиатуру. Свистел модем, гудели вентиляторы, на экране застыла фэнтезийная картинка, прекрасные всадники без лишней одежды на огромных драконах летели по небу.

Так весь день дома и просидел, картинки рассматривая.

Стоило мне закрыть глаза, как снова потолок, хорошо знакомый мне плывущий корабль, и опять я под тремя одеялами.

В окно рвется утро. Пахнет гарью от многочисленных факелов, черный слуга, привстав на цыпочки у стены, гасит факелы большой металлической ложкой на длинной ручке, похожей на половник. Когда половник накидывали на факел, тот шипел и истекал дымом.

– Доброе утро, – сказал я громко в потолок, сошвыривая с себя одеяла.

Слуга зашатался и едва не выронил свой половник, которым факелы гасил.

– Где одежда?

– Ваше высочество, – раздалось сбоку. – Ваше высочество, приветствую вас.

Обернулся. Сбоку от меня сидит человек, высокий, худой как палка, затянутый в камзол с серебристыми нитками так, что талия у него была не хуже, чем у иной балерины. На ногах сапожки, серые лосины, на голове острая шапочка-ермолка. Остроугольное лицо было бесстрастно, как каменное.

– И вам тоже доброе, – осторожно сказал я. – Вы кто?

– Распорядитель церемоний, ваше величество, – ответил человек, встав и поклонившись. – Я ваш распорядитель церемоний, мастер Иштван.

– А что делает распорядитель церемоний?

Выгоревшие брови Иштвана взлетели вверх, но голос оставался таким же ровным.

– Распорядитель церемоний знает, когда наступает какой праздник, какие дни благоприятны для каких дел, а какие нет, знает благородных людей Королевства и помнит их рода до седьмого колена, как их приветствовать и какие почести воздавать, он должен знать, какую одежду приличествует одевать на прием, какую на бал, а какую в поход... – Иштван сбился. – Ваше высочество, вы пришли в себя, и вам нужна достойная вас одежда!

– Вот-вот, это точно не помешает, – согласился я, скидывая на пол последнее одеяло. – А где мастер Клоту?

– Он за дверью, ваше высочество. Говорит, что его услуги больше не потребуются, но у него есть личная просьба к вам.

– Давай зови его сюда.

Показалось мне, что нажали на заднице у Иштвана кнопку «Вкл», так он вскинулся.

– Ваше высочество, так не годится! – возопил он несчастным голосом.

– Что это не годится?

– Ваше величество, принимать человека ниже себя по рангу в таком виде просто недопустимо! Вы должны быть подобающе одеты и выглядеть достойно вашего статуса!

– Хочешь сказать, что сейчас недостойно? – спросил я.

– Ваше высочество! – Склонился в быстром, но глубоком поклоне Иштван. – Для спальни и после тяжелой и продолжительной болезни ваш вид выше всяких похвал, но вот для решения дел, могущих иметь государственную важность...

«Казань просит? Так отдайте ему...» – вспомнилось мне сразу.

– Казань просить будет?

– Что, ваше высочество?

– А, не важно. Так что надо, чтобы выглядеть достойно?

– Ваша одежда, ваше высочество. Ее уже несут, как только до нас дошла весть о вашем чудесном выздоровлении, как мы сразу заказали приличествующие вам одеяния у лучших портных столицы...

Двери меж тем отворились, и слуги ряд за рядом внесли в зал тряпки.

– Разложите у стены.

Там как раз были низкие, но длинные и широкие лавки, которые я не заметил в первый раз. На них все тряпки и положили, с поклонами отошли.

Камзол. Рубашка, белая, с кружевным воротником. Колготки. Нет, не колготки, лосины или штаны, с утолщением в гольфике. Шапочка с пером, украшенная каким-то золотым обручем. Ах да, это же корона, наверное. Роскошный пояс с перевязью (серебряный), ножны с ножом. То есть кинжалом, конечно, какой это нож, кинжал самый настоящий, с длинной переплетенной серебряной же нитью рукоятью.

Я двинулся было к одежке, прикидывая, как сейчас все это на себя напяливать, но был остановлен кинувшимся мне наперерез Иштваном.

– Ваше высочество! – вновь завопил несчастным голосом распорядитель церемоний. – Есть же слуги!

– Зачем они мне? – не понял я.

Вместо ответа Иштван вынул из-за пояса кинжал в ножнах и ударил его рукоятью в бронзовую тарелку, висевшую на цепях у входа.

– Боммм! – сказала тарелка, покачиваясь.

Шорох шагов, в зал вошли два негра. Молодые еще, мелкие они какие-то. Головы бриты наголо, одеждой от своих старших братьев ничем не отличаются. Разве что меньше раза в три и худее. Как дети совсем.

– Ваши пажи, ваше высочество. – Махнул на них рукой Иштван. – Они помогут вам одеться.

– Я и сам могу, – буркнул я.

– Ваше высочество! – Поклонился Иштван. – Не положено!

Ну, не спорить же с ним. Тем более что я хотел посмотреть на мой сон не только из этой комнаты.

Мигом раздели, еще быстрее одели. Наверное, богатая практика. Двигались пажи как роботы, раз-раз-раз, на ноги натянуты узкие брюки-лосины из мягкой шерсти, на плечи накинута рубашка, два – рубашка запахнута, затянут пояс, три – сверху набросили кожаный жилет. Лица отрешенные, словно в уме решают теорему Ферма. Усадили на кровать, натянули на ноги неудобные сапоги, с мягким голенищем и твердой подошвой.

Подняли руки, опоясали ремнем с кинжалом.

Вот теперь готов к труду и обороне.

Пажи с такими же ничего не выражающими лицами отступили и встали у стен.

– Так лучше? – капризно спросил я у Иштвана.

– Да, ваше высочество! – Поклонился Иштван. – Прикажете подавать завтрак?

– Потом. Сначала подавай сюда мастера Клоту. И чего он хочет.

– Ваше высочество, вам нужно сидеть, а мастер Клоту должен разговаривать стоя.

Я сел на кровать и выразительно поглядел на Иштвана.

– Ваше высочество. – Тот отошел к двери, открыл, просунул туда голову, прочее тело старательно оставляя в зале. – Мастер Клоту, ты можешь войти!

Вошел толстячок.

На этот раз приоделся. Штаны-шаровары, сапожки с загнутыми носками, под камзолом пышет кружевами белоснежная рубашка. Пояс весь изукрашен золотом и через плечо перевязь с таким же длинным кинжалом. С плеч вниз спадает недлинный плащ, чем-то похожий на старый халат.

– Ваше высочество! – с порога кланяется мне мастер Клоту.

– Мастер Клоту, – отвечаю ему я. Вижу дико несчастные глаза Иштвана, понимаю, что сказал что-то не то, ну да ладно, не менять же коней на переправе?

– Ваше высочество, позволено ли мне, скромному мастеру лекарского искусства, обратиться к вам с просьбой?

– Смотря что за просьба, добрейший мастер Клоту, – в тон ответил ему я.

– Я желал бы на время остаться с вами и наблюдать ваше выздоровление, ваше высочество.

– Да не вопрос... – Когда я это говорил, лицо мастера вытянулось вдоль. – Этот вопрос не стоит внимания, добрейший мастер, – быстро поправился я. – Вам предоставят комнаты во дворце... Где вы жили, пока я спал?

– В правом крыле было три комнаты, ваше высочество... – Поклонился мастер.

– Вот там дальше и живите. Кто знает... Возможно, болезнь побеждена не до конца, и ваша помощь будет необходима.

– Ваше высочество, эти апартаменты слишком тесные... – Мастер заискивающе и испытующе поглядел на меня. – Возможно ли добавить мне пару комнат и выделить несколько расторопных мальчишек?

– Мастер Иштван... – На этот раз вытягивалось уже лицо Иштвана. А, да пошли-ка они куда подальше со всем своим этикетом... – Позаботиться об этом. Что ты молчишь, Иштван?

– Да, ваше высочество. – Поклонился мне Иштван.

– Но смущает мое сердце... – театрально спросил я. – Что ты хотел попросить еще что-то еще?

Ну и вопросец вышел, просто гений синтаксиса.

– Ваше высочество, я не смею больше надеяться на вашу милость... Но вы выздоровели, и выплата вознаграждения...

Иштван зашипел сбоку, как кот.

– Прошу низжайше простить... ваше высочество!

– Так тебе еще не выплатили? – удивился я. – Иштван, почему не выплатили?

– Не было решения её величества.

– Вот дела. Так, а почему не было?

– Её величество пребывает в данное время в столице Империи и не может отдать высочайшее распоряжение. А ваше высочество находились в болезненном состоянии и не могли...

– Так кто может выплатить досточтимому мастеру прилагающееся... То есть причитающееся ему вознаграждение?

– Её величество и ваше высочество. – Иштван поклонился.

– Так выплатите, что тянуть? Я себя хорошо чувствую, спасибо уважаемому мастеру.

– Нужна ваша личная печать, ваше высочество. – Снова поклонился Иштван.

– Где она?

– Вот она, ваше высочество. – Иштван с поклоном передал мне круглый перстень. Я взял в руки, примерил. Велик на пальце, ну да и пальцы-то мои не велики. Перстень не простой, печатка. Плоская такая, щит. Разграфлен на четыре части, на каждой по какому-то замысловатому значку, а поверх них разлегся элегантный грифон. Каждая деталька прорисована с тщанием, все мелочи учтены. Печатка старая очень, следы на ней от времени остались – потертости, царапины, закопченности небольшие даже.

Ну, пусть пока что на пальце побудет, никуда не денется.

– Так, что дальше? Указ готов ли?

– Да, ваше высочество. Прикажете внести?

– Приказываю.

Мастер Клоту тихонько стоял в уголке, когда два лакея в роскошных париках, разодетых в зелено-золотые куртки с бледно-розовыми лосинами, внесли и поставили передо мной небольшой столик с наклоненной столешницей. Как парта школьная, которую я только по телевизору и видел. Там, прежде чем сесть, надо было поднять вверх столешницу, а потом уже садиться. И письменные принадлежности сверху стояли.

Иштван принял из рук третьего, такого же попугаистого лакея свиток серой бумаги, развернул передо мной.

– Ваше высочество.

– Клади давай.

Свиток положили на парту, Иштван придавил его снизу и сверху, чтобы тот не свернулся. Лакей подставил предупредительно зажженную чадную свечу, накапал воском в специальное металлическое блюдце, блюдце развернули и прижали к нижнему углу свитка.

– Сюда, ваше высочество. В воск, – подсказал Иштван. Я примерился, прижал печатку, чуть подержал, отпустил.

На воске остался отпечаток.

Так, а что это я подписал-то?

По странице шла вязь букв, чем-то похожих на старорусскую кириллицу, которую кто-то решил скрестить с европейской готикой. Размашистые буквы ровным тараканьим строем бежали по бумаге, и ни одной мне знакомой, конечно же. Хотя это вот, кажется, «Б»... Или «В»?

Аккуратно сняв лист, Иштван передал его лакею. Тот развернул лист от себя и отошел в сторону, держа его все так же развернутым.

– Через пару минут вы получите свиток, мастер Клоту, – сказал Иштван. – С печатью обращайтесь бережно, это символ королевской власти. За порчу королевских символов власти у нас суровое наказание даже для дворян.

– Я учту, уважаемый Иштван. – Неловко как-то склонился в поклоне мастер Клоту.

Ого, а тут, кажется, еще какие-то местные разборки? Потом с ними разберемся, хотя и интересно.

– Мастер Клоту, есть ли еще у тебя какие-то просьбы?

– Нет, ваше высочество. – Мне мастер кланялся гораздо ниже и старательнее.

– Тогда не смею вас более задерживать, – церемонно ответил я, гордо задрвав подбородок. – Иштван, еще кто-то?

– Нет, ваше высочество. Остальное все рутинные дела, которые решала ваша царственная матушка, её величество.

Ну обалдеть, у меня тут и матушка есть. Как бы не стали кормить манной кашкой, учитывая мой возраст. Отказаться-то еще пока не получится, по причине малолетства.

– Мастер Клоту, вы еще тут?

– Свиток, ваше высочество...

– Конечно. Эй, ты, зеленый поп... поп... – Что-то как застряло в горле. – Птица говорящая! – неожиданно для самого себя выпалил я. – А ну, отдай мастеру свиток!

Лакей быстро поклонился, передал свиток радостно схватившему его мастеру Клоту.

Краем глаза я заметил заинтересованный взгляд Иштвана. Иштван смотрел очень серьезно то на меня, то на мастера Клоту, словно в чем-то его подозревал.

– Так, все дела решены, – подвел я итог, когда спина мастера Клоту скрылась за дверьми. – Иштван, как насчет небольшой прогулки?

– Как изволит ваше высочество. Прикажу позвать приличествующую вам свиту, которая будет нас сопровождать.

– На фг... – Снова запинка. – Зачем нам свита? Пойдем вдвоем, покажешь мне замок.

– Вашему высочеству так не приличествует! – осторожно возразил Иштван.

– Не надо много народу. Пока что просто походим по замку, посмотрим, что да как. – Я нагло улыбнулся. – Приказ это, понятно? Возьми с собой двух черных, если уж так захотелось.

Удивился. Точно вроде бы сказал «негров», да почему-то получилось «черных».

Станный сон, очень странный сон.

Глава 5

*Город древний, город славный.
Бьют часы на башне главной.*

А. Новиков

Проснулся я в своей постели и долго лежал, глядел в потолок. Никакие мысли что-то в голову не шли.

Понятно, просто так такие сны не снятся.

Такие красочные, цветные и подробные сны бывают... только когда крыша... Да нет, брат, шалишь. Даже когда твоя крыша поедет, шурша шифером, – и то такого не будет! Тогда все просто, топор в руки и на улицу, искать агентов Марса. Или Сатурна, кто первый попадется.

Перевернулся на бок, сполз с кровати. Мышцы ломило не по-детски, голова не поворачивалась на шее, сидела как на гнезде.

Ну и что теперь делать-то? Одним сном дело точно не кончится.

Да и сон ли это?

Во сне мы с Иштваном, распорядителем королевских церемоний, погуляли по замку, по замковому парку и даже прошли мимо казарм королевской гвардии.

Что сказать? Все красиво и средневеково. В держателях, стилизованных под вцепившихся в стены когтями грифонов, пылают факелы. Длинные коридоры, много дверей, из-под драпировок (наверное, это так называются полотенца на стенах, призванные скрыть грубую каменную кладку) выглядывают подсвечники и доспехи. Встречные жмутся к стенам, пугливо отводят взгляд, раскланиваются. Кому-то Иштван даже кивал в ответ, я не смотрел кому, глядел прямо. В основном лакеи перемещаются туда-сюда, изредка негры стоят перед дверьми и открывают их перед теми, кто хочет пройти.

Несколько больших залов, в которых вовсю идет уборка. Десяток негров под присмотром пары лакеев драят пол цветастыми тряпками. Полы в мыле, негры тоже все в мыле, мокрые. Служанки в длинных зеленых платьях и смешных чепчиках вытряхивают пыль из драпировок, натирают доспехи.

Парочка обитателей рангом повыше. Один полный и низкий, но важный, другой худой и нескладный, прячущий глаза. В камзолах, расшитых золотой нитью, коротких плащах до середины задницы, в серо-пятнистых лосинах. На голове шляпы-треуголки с загнутыми вверх полями и желтыми, маслянисто блестящими перьями. Широкий наборный пояс, богатый, из золотых звеньев, нашитых на кожу, на пряжке сложная вязь-гравировка, такая же повторяется на правой стороне камзола. На боку у каждого меч, простой, в простых же ножнах, самый простой, нет никаких завитушек или защит, просто перевитая проволокой рукоять и крестовина.

За ними тенью два лакея, одеты почти так же, но без украшательств, на лосинах видны следы штопки. Морды важные, как будто несут секрет родины на продажу, а вся ноша-то по плетеной корзине за спинами. Из корзины высовываются запечатанные сургучом горлышки бутылок и тянутся какие-то аппетитные запахи.

Встреченные поклонились, посторонились к стене. Я кивнул им в ответ, не сильно вглядываясь, прошел мимо. За моей спиной Иштван что-то сказал вполголоса.

Ворота выводят прямо в сад, вдаль идет дорожка, по сторонам которой установились массивные, толщиной в пару обхватов, дубы. Ветки раскинулись надо моей головой метрах в пяти, бугристые стволы тщательно обихожены. Лишние побеги срезаны, чем-то замазаны, низ стволов окрашен белым и обнесен филигранным заборчиком.

Птички поют, стрекохут какие-то мелкие твари. Трава высокая и зеленая.

Иштван отрекомендовал мне то место как личный сад, посаженный моим благородным предком. Королевский сад, сюда другим вход запрещен. Только если по чуть-чуть, по личному королевскому разрешению... Считается большой честью.

Прошлись по саду, по уложенным белыми булыжниками дорожкам, по нарочито грубым деревянным мосткам, перекинутым через забранные в каменные русла ручейки. Озеро даже было и куча уютных беседок в саду.

В парке нам встретилось несколько придворных. Кавалеры уже в знакомом мне наряде, с некоторыми вариациями, дамы в длинных платьях и с покрытыми вуалями головами.

Кавалеры кланялись, дамы приседали, смешно склоняя головы.

Казарм почти не увидел, они располагались за высоким прямым забором. Ворота, ведущие туда, были открыты, но занавешены флагами. Даже караула не видно, есть ли, нет ли.

В середине прогулки я ощутил слабость, поспешил обратно в кровать, где и заснул, так и не раздевшись.

Проснулся уже дома.

– Кость, – обратился я за комментариями к специалисту. – Ты же санитаром в дурке был?

– Было дело, – ответил Костик.

– Вот скажи. Есть у меня один друг. Ему снится сон. Очень странный сон, из ночи в ночь. Другая жизнь, до мельчайших подробностей. Вот что бы ты сказал?

– Разное бывает, – авторитетно заявил Костик. – Может, ты просто Мишкиных книжек перечитал, вот и аукнулось.

– Но три раза подряд!

– Да так и что? Впрочем, если хочешь по-настоящему профессиональную консультацию, то я могу познакомить тебя с нужными людьми...

– Да уж и не знаю, – тихонько проворчал я. – Да, Костик... Слушай, я так – умозрительно! А профессионалы серьезно это не воспримут?

– О, рад, что ты меня понял! – широко улыбнулся мне Костик. – Психологи и психиатры воспринимают человека с чувством юмора как профессиональный вызов.

– Психиатры? Кость, слушай... Всегда хотел узнать, чем психологи отличаются от психиатров?

– Психиатры будет правильнее, – поправил меня Костик. – Видишь ли, врач-психолог занимается мелкими отклонениями, а психиатр лечит уже больных людей. Это если просто объяснять.

– Спасибо.

– Да не за что... Обращайся, если что.

Я поблагодарил Костика и счел за лучшее свернуть эту тему.

Вечером на работу.

Наша фирма держала три точки. Одна – это как раз наш склад. Большой такой, на окраине города. Перевалочная база. Сюда товар привозят, тут он отстаивается, отсюда его партиями развозят по магазинам и супермаркетам с пивом и чипсами у метро. Особой охраны не требовалось, забор высокий и стены не одно название. Расставили простенькие камеры по столбам, провели сигналку, да и спи себе. Если кто полезет, то датчики движения сработают. Вторая точка – это советский НИИ, сдавший свои корпуса в аренду и на этой почве заработавший на «чисто крутую охрану». Ну, чтобы арендаторы плату вносили вовремя. Не очень место спокойное, специфическое такое, пару раз были инциденты. Ну и третье, наша боль головная. Клуб «Василек», при нем кафе, при нем бар, при нем ресторан и огромная дискотека для танцев половины микрорайона. Вторая половина микрорайона туда танцевать не ходит, она туда приходит подраться или хорошенько выпить, если уж подраться не получится.

Короче, бардак и приключения. Драки, пьяные, расплзающиеся по округе в поисках выпивки и приключений, бои стенка на стенку приклатенных компаний, наркоманы в кустах вокруг. Пьяных собирает пасущийся рядом патруль ППС, в драки благоразумно не лезет. Ашот, хозяин этого «Василька» несчастного, на задних цырлах скачет к Петру Сергеевичу: «Вай, памаги да, са-а-авсем да, мебель паламают, три сотни плачено». Ну и идем помогать, растаскиваем, подтаскиваем милицейский патруль, сдаем с рук на руки ментам. Поначалу дело шло туго, менты куксились и мялись, как будто в первый раз. Со смазкой – знаете, есть такие зеленые тубики, резинкой перехваченные, там еще внутри зеленые бумажки с портретами американских президентов – влезло значительно лучше, дебоширов забрали вмиг. На следующий день приехали усиленные патрули и смотрели на массовую драку все против всех и все против охраны, ожидая, когда упарившиеся охранники будут подтаскивать пострадавших бойцов. Ну, и смазка, конечно, смазка...

Очень хорошо работает, да вот только смущает большой расход лубриканта! Так и на зарплату ничего не останется. Поискав, Валерий Алексеевич нашел знакомого майора, который работал в местном отделении. Стороны быстро пришли к компромиссу. Охрана бдит, выводит подозрительные элементы за пределы заведения, если что не так, приезжает милиция и забирает хулиганов до выяснения. Расчет по факту.

Вот как-то так и жили.

Из других охранных фирм приходили, пробовали перенимать опыт, да как-то все никак не получалось. То у них нормальных людей нет, то они снова пьяные, то еще что-то... На общем фоне ЧОП Петра Сергеевича отличалось в лучшую сторону. Не хамили, не нагтели, пьяными на дежурство не приходили, с милицией проблемы если и имели, то оперативно решали, не доводя до арендодателей, лишнего не просили, но и денег брали в меру. За качество же надо платить?

Меня чаще ставили на склад. Спокойное оно место... В институте тоже проблемы свои, тамошний народ через одного на взводе, начальство заедает, зарплата одно название, ситуация с демократией в стране аховая, только недавно по «Эху Москвы» передавали, что не всех еще сталинистов разоблачили. В драку с охраной не лезут, потому что интеллигенты, но хамят с удовольствием. А на «Васильке» только несколько раз был, когда там народу надо было много собрать.

Потому со складом сложились самые хорошие отношения. Обжился я тут, можно сказать. Я, Вербицкий тоже часто тут стоял, Михаил так вообще все смены проводил. Костик да Серега-большой чаще на «Васе» порядок наводили.

На складе сегодня я и Михаил, свой парень, тоже студент того ж несчастного вуза, что и я. Обычный такой средний студент первого курса, не дурак выпить и отдохнуть, но и не дурак поработать, особенно если за это деньги платили.

– Спи давай, – сразу же предложил Михаил. – У меня что-то сна нету. Я пока математику поучу... Сдавать завтра.

– Да не вопрос. – Я устроился поудобнее и закрыл глаза.

Потолок с кораблем.

Доброе утро.

– Доброе утро! – сказал я в пространство.

– Доброе утро, ваше высочество! – сказали со стороны.

Я повернул голову. Лакей, надо же. В парике смешном, держит в руках медный таз с водой, через правую руку перекинута перевязь корзины с горкой розовых лепестков.

– Прикажете подавать?

– Подавай, – осторожно сказал я.

Вода – для умывания. Кое-как вытереть руки и лицо. По удару в медную тарелку вошла процессия из знакомых мне уже моих пажей с одеждой, в которую меня снова облачили.

Когда застегивали пояс, вошел Иштван. Все в том же черном, на голове шапочка с пером.

– Доброе утро, ваше высочество.

– Доброе утро, Иштван, – поздоровался я. – Погуляем по городу?

– Да, ваше высочество, – поклонился Иштван. – Прикажете готовить карету? Со времен вашей болезни мы обновили нашу конюшню весьма значительно. Пока будут готовить карету, подадут легкий завтрак. Что-то еще, ваше высочество?

– Да ничего, в общем-то, – пожал я плечами.

Принесли завтрак. Внесли столик, расставили кушанья.

Я с любопытством смотрел, запоминая всё.

Тарелки, чашки, вилки, ложки... Это ж золотое всё! Даже ножи и вилки золотые!

Украдкой помял золотой кубок. Мнется, надо же! Значит, и в самом деле золотой, а не чудится мне.

Три лепешки с зернами, баночка варенья, мясные лепешки, похожие на котлеты, и травяной отвар, от которого поднимался дымок. Пахло не очень вкусно, да и чашка единственная не золотая, бронзовая, но и то с золотыми накладками.

Ничего себе сон! Мучают ли вас, гражданин, эротические сны? Нет... Не мучают. Я ими наслаждаюсь.

– Мастер врачевания Клоту к его высочеству! – сказал у дверей лакей.

– Пусть войдет, – решил я.

– Мастер врачевания Клоту! – сказал лакей и ударил билом в тарелку.

– Бом-м-мм!

Дальше пришлось выдержать ряд медицинских процедур. Мастер Клоту долго пытался правильно нащупать пульс, потом заставил подышать на маленькое круглое зеркало и тщательно изучил след от дыхания, пощупал мне грудь, бока, бицепсы и ноги.

– Ваше состояние удовлетворительно, ваше высочество, – изрек наконец вердикт мастер Клоту. – Но вы довольно сильно истощены. Я бы не рекомендовал вам есть тяжелую пищу, предпочитайте острую и избегайте больших нагрузок. Не путешествуйте на лошади. Отдыхайте и набирайтесь сил. При существующем положении...

– Доктор, я понял вас. Не желаете сопровождать нас в поездке? – Ну вот, сказал, а зачем сказал, сам не знаю.

– Это честь для меня, ваше высочество, – сказал мастер Клоту, поклонившись.

Карета ждала нас во дворе. Открытая, прямоугольная какая-то, передние колеса меньше задних, задние больше и закрыты сверху большими крыльями. На головах широкогрудых лошадок шоры, поверху торчат смешные хохолки из павлиньих перьев. На козлах два лакея, аж лоснящиеся от собственной важности.

Ну, кому и карета, а кому и бричка. Я такие в кино видел, один в один практически.

Позади брички всадник, тот же лакей. Упер в стремя древко с флагом. На флаге тщательно вышитый грифон, такой же, как и у меня на перстне. Флаг оканчивался раздвоенным языком из тонкой красной материи. Эти-то треугольники и слабо полоскались на ветру, основное полотнище провисало, стремясь согнуться по складкам.

– Что за флаг? – спросил я у Иштвана.

– Королевское знамя наследника, ваше высочество, – ответил Иштван, поклонившись. Даже на ходу он умудрился сделать это очень элегантно.

Позади знаменосца замер десяток всадников, но это уже не слуги. Воины.

Огнестрела нет, в помине нет. Кольчуги, надетые на что-то вроде тулупов, круглые конические шлемы, длинные рубашки чуть ли не до середины бедер, коричневые штаны, высокие красные сапоги. На поясах в ножнах прямые мечи, в стремя упирается копьё, недлинное, но

грозное, с широким треугольным наконечником. Края отточены, блестят на утреннем солнце. На боку узорчатые красные садки, из которых торчат края луков и стрелы с разноцветным оперением.

Лица все как один бородатые, серьезные, немного помятые. Мужики, не парни. Лет по тридцать им, самый серьезный возраст для солдата.

Лошади мускулистые, нахрапистые, с тщательно замотанными бинтами бабками. Попоны тоже красно-коричневые, хвосты и гривы заплетены в косички. В бричку впряжены хоть и побольше, широкогрудые, но какие-то не такие убедительные.

– Кто это? – спросил я, жадно глядя на воинов.

– Ваша личная охрана, ваше высочество, – ответил Иштван. – Королевская.

– Понятно... Ладно.

В бричке шесть мест, по три друг напротив друга. Мягкие бархатные диваны. По ходу движения сел я, против хода движения расположились Иштван и мастер Клоту, тащивший с собой громоздкий черный ящик с кожаными застежками.

– Это мой докторский сундук, ваше высочество, – пояснил на мой вопросительный взгляд мастер Клоту. – Тут я храню медикаменты и мои инструменты. В дороге может понадобиться.

Я вольготно расселся на диване.

– Что стоим?

– Поехали! – не оборачиваясь ткнул кучера в спину Иштван.

Кучер щелкнул кнутом. Лошади сдвинулись с места, потянули бричку вперед.

Через распахнутые ворота в округлой караульной башне мы выехали со двора.

Я жадно смотрел на все, впитывая каждую деталь.

Каменная кладка башни, крупные булыжники, промазанные между собой цементом. Хотя какой еще цемент в средневековье? Это ж цементирующий раствор. Который делали на яичном желтке, секрет которого утерян много веков назад.

Вперед пристроился лакей с флагом. Десяток воинов разбился на группы, пятеро впереди и пятеро позади, а один, наиболее важно выглядевший, с пышным мохнатым плюмажем на шлеме, пристроился справа от нас. Это офицер, сразу командует: ты иди туда, ты иди туда... Тщательно выбрит, в отличие от остальных, и нервный какой-то. Смотрит вокруг гордо, но как только его взгляд касается меня, повозки или своих подчиненных, так сразу в нем появляется паника. Словно сам себя спрашивает: «Ну зачем я в это ввязался?» За нами увязались еще два лакея на лошадях, зачем – не очень понятно.

– Ваше высочество, могу ли я выбрать цель и маршрут прогулки?

– Конечно, Иштван. Командуй.

– Да, ваше высочество. Кучер! Вези через улицу Ароматников до ворот, потом через улицу Медников провези, потом через Чудную улицу, где инородцы живут, а потом на Белую площадь. Давай! – В подтверждение слов Иштван ткнул кучера рукояткой плети в спину.

Выехали из крепости, прогрохотали по подвесному мосту, сейчас опущенному. Еще одна башенка, наверху ее мелькают тени караульных.

Кучер щелкнул бичом, лошади перешли на шаг быстрее.

Вдоль дороги тянулись стены домов. Именно стены, высотой в полтора, а то и в два человеческих роста, сжимали собой раскидистые кроны деревьев. Иногда стены расходились, открывая роскошный выезд из дома, с садом и даже с фонтаном. Иногда попадаются степенно прогуливающиеся аристократы, дворяне все как один при мечях, дамы в сопровождении слуганок, в одном из садиков видны играющие дети под присмотром лакеев, около одного из домов замерла такая же бричка, как и у нас, запряженная двойкой лошадей.

Места хватило, разъехались.

Впереди стена, грубая каменная кладка, перед ней посыпанная белым песком дорожка. Около ворот стоят воины, копий тех, кто меня охранял, только без лошадей и с копьями.

Без остановки мы проскочили через распахнутые настежь широкие ворота, стражники сделали вид верный, грозный и воинственный. Шарахнулся на обочину богато одетый всадник, свернула в другую сторону простоватая телега с большой бочкой на ней.

Дома изменились. Теперь они стали больше и куда как скромнее, куда-то делись роскошные особняки, фонтаны и сады, теперь вокруг обычные средневековые домишки, первый этаж каменный, а выше дерево. Домики теснились, ползли друг на друга, иногда среди них прорывались небольшие парки, ну как парки... Пару деревьев во дворе кто-то высадил, вот он и парк.

И людей стало попадаться куда как больше. Завидев нашу процессию, люди поспешно прижимались к стенам, все как один кланялись, тщательно пряча глаза.

А я глядел во все глаза.

Полные и важные мужчины в коричнево-белых рубахах и штанах, безрукавки и плоские шапочки типа «пидорка» тут преобладают. Женщины в стройнящих их платьях, чепчиках. Украшений почти не заметно, разве что расшитые чепчики и лифы платьев у дам и богатые пояса у мужчин... Хотя нет, вот прошелся один, сопровождаемый двумя слугами. Толстый такой тип, важный, как понос. Руки в перстнях, на шее пара золотых цепей, безрукавка ушита златом-серебром. А уж на поясе пара кошельков, таких классических средневековых кошельков, мешочков с завязками. На плечах этак небрежно перекинуто что-то меховое. Соболя, что ли? Даже у слуг расшитые золотом пояса и цепи золотые на шеях. Один важно пер длинную деревянную дубинку, перехваченную грубыми металлическими полосами, второй за спиной волок плетеную корзину, прикрытую поверху синей тканью. В корзине что-то шевелилось, но мы проехали слишком быстро, чтобы можно было все рассмотреть.

– Купцы часто пренебрегают приличиями в одежде, – сказал Иштван, сопровождая мой взгляд.

– Это купец?

– Да, ваше высочество. – Иштван оглянулся. – Только эти люди одеваются, как дикари с островов, получившие в свои руки... – Он осуждающе покачал головой.

– Новый руз... Руз... Русский, значит?

– Как вы сказали, ваше высочество? – переспросил Иштван.

– Новый ильроньский и альроньский. Человек, получивший богатства быстро и не знающий, как ими распорядиться. Так?

– Да, ваше высочество, – поклонился мне Иштван.

Мне показалось, или я заметил внимательный взгляд из-под склонившегося лица? Наверное, показалось. Это же сон, тут много что может показаться.

Свистнула плетка, вскрик. Сзади.

Я оглянулся.

Лакей сматывал плетть, а в переулок уходил скорчившийся в три погибели человек, прижимающий руки к лицу.

– Он не поклонился вашему величеству, – сказал Иштван. – Вот слуга его и огрел, чтобы впредь неповадно было. Не умеешь кланяться, так не стой рядом с королевским выездом.

– Понятно-о, – протянул я. И стал глядеть по сторонам.

Снова дома, жилые и какие-то мастерские, слышен перезвон молотков по дереву, навстречу попадают телеги, на которых везут дрова, бочки, мешки какие-то. Навстречу нам попался аристократ, на коне, при мече и паре слуг, тоже конных, почтительно прижались к стене, нас пропуская.

– Ваше высочество, вы должны показаться народу, – сказал Иштван.

– Вот так прям сразу и должен?

– Простите, ваше высочество! – согнулся в поклоне Иштван. – Я всего лишь имел в виду, что люди волнуются и ждут вестей о выздоровлении вашего высочества. И не приличествует обманывать их ожидания.

– Вот заладил, – сказал я. Голос у меня звучал непривычно, тонкий такой, противный. – Что для этого надо делать?

– Полагаю, ваше высочество, что достаточно будет показаться народу на Белой площади, а потом небольшая прогулка за городом. Мастер врачевания Клоту сказал, что вам будет полезен загородный воздух. Ваша память может восстановиться быстрее...

– А что с моей памятью не так?

– Мастер врачевания Клоту уверяет, что она могла восстановиться не полностью...

– Мастер? Мастер, ау? Где вы? Вы еще с нами?

Мастер врачевания Клоту был не с нами, он просто балдел от того, что он ехал в карете. По сторонам он почти что не глядел и надулся, став еще толще, как индюк. Даже глаза закатил.

Иштван легонько пихнул мастера в бок.

– Ой! Тысячу извинений, ваше высочество! В трактатах великого врачевателя Агафона Цинского сказано, что длительный сон может вызвать потерю памяти. И длительность потери памяти напрямую зависит от времени сна. К тому же память может пропадать не по порядку, а как будто случайно...

– Понятно, мастер Клоту. И часто ли бывали у вас такие пациенты, как я?

– Вы первый, ваше высочество.

– Понятно.

Мастер врачевания явно был не в своей тарелке.

Неожиданно бричка выкатилась на площадь.

Народу тут было не так чтобы много, но и немало. Горожане, кто-то приличный, кто-то не очень. Слуги с корзинами и кувшинами, девушки. По углам площади торговые ряды, на которых что-то разложено. В центре площади невысокий, но широкий фонтан, слуги и женщины в очередь выстроились, наполняя из фонтана большие глиняные кувшины.

– Ваше высочество, вам надо встать, – сказал мне Иштван. Свою шапочку с пером он снял и огладил коротко стриженную голову. Ежик седых волос противился его рукам, так и норовил встать дыбом.

Чувствуя себя идиотом, я поднялся.

Ленин на броневике.

Величаво так огляделся, заложив руку по-наполеоновски за край камзола, а вторую руку положил на рукоять кинжала. Кинжал сразу же качнулся из стороны в сторону, я кое-как придержал его, чтобы не болтался.

Площадь потихоньку замерла, народ стал собираться кучками.

– Объяви! – скомандовал Иштван лакею.

– Его высочество! – гаркнул лакей в рупор, мятую жестяную воронку с чеканкой грифона. Воздух в легких кончился, лакей глубоко вдохнул. – Наследный принц Соединенного! Королевства Ильрони! И Альрони! Седдик Шеен Ильрони! Выздоровел!

– Ур-р-ра! – вяло заорала толпа.

– Браво!

– Хоп-ха-ха!

Поднялся гвалт, как на птичьем базаре. В воздух пару раз взлетели шапки и какой-то попутный мусор, кто-то постарался приблизиться, но я заметил, что от площади нас отделяло с десяток всадников, все таких же хмурых бородачей. Десяток тех, кто был со мной с самого начала, расположился вокруг брички.

– Что за ц-ц... цир... Что за представление, уважаемый? – спросил я Иштвана.

– Ваши подданные приветствуют вас, ваше высочество, – поклонился Иштван. – Это очень древний обычай. Скажите им что-нибудь.

– Подданные мои! – попытался гаркнуть я. Гаркнуть не вышло, голос позорно дал петуха. Вторая попытка... А где у нас рупор?

– А ну, дай сюда... – Я потянулся к слуге. Тот быстро вытер рупор платком и передал в мои руки.

– Ваше высочество... – что-то попытался сказать Иштван, но я повелительно махнул рукой, и распорядитель умолк.

– Подданные мои! – Вот теперь, через рупор, вышло как надо! Услышали, орать прекратили, застыли. Само собой пришло продолжение.

– Я, принц ваш... – Дальше застопорилось. – Посылаю вас всех на... – Нет, не сказал, удержался. – Приветствую вас! Праздник по случаю выздоровления моего... Воспоследует!

– Ура! – вяло откликнулась площадь.

Что они сонные такие, как рыбы?

– Все, хорош. – Я бросил рупор на руки лакею. – Поехали отсюда подальше, нечего тут больше делать.

– Ваше высочество, вы должны объявить начало праздника! – уперся Иштван.

– Объяви! – Я поглядел на лакея. – Завтра, в это же время. Поставим десять бочек с вином из королевских подвалов.

Иштван охнул.

– Ваше высочество, ваша матушка... Вы должны...

– Так, всё, хватит. Кому что еще должен – то прощаю. Поехали дальше, хочу поглядеть на море.

Бричка медленно покатила под аккомпанемент выкриков попугаистого лакея.

– Завтра! В это же время! Его высочество повелевает! Выставить народу своему на площади! Десять бочек отборного вина...

Наша кавалькада втянулась в узкую улицу, лакей-глашатай скрылся позади. Люди шаркались на обочину, пару раз свистнула плетка, лакей свои обязанности не забывал, относился к ним как к счастью.

Впереди показалась башня с воротами в ней. Двухбашенная такая башня, два острых шпиля и по сторонам стены. Закрыта кованой решеткой, в которой оставлен проход для людей. Потихоньку так идут, по два, по три человека. Входящие о чем-то беседуют со стражниками, толстяками в плотных коричневых кожаных куртках и кожаных шортах до середины икр.

Стражники у входа выстроились в шеренгу.

– Кланяйся, дурень! – прошипел Иштван кому-то. Толстомордый страж в потертой кожаной куртке попытался поклониться, но ему мешало здоровенное пузо.

– Хватит, хватит! – Повелительно махнул я рукой. – Отворяй ворота давай!

Заскрипел механизм, решетка в воротах поползла вверх. Стражники отжали от ворот людей, проходивших мимо. Лакей снова кому-то заехал плеткой, раздался взвизг.

Под решеткой проскочили, выкатилась бричка на улицу и сразу забрала вправо. Дорога моментально испортилась, бричку стало швырять из стороны в сторону. Конечно, амортизаторов тут нет в помине.

Я оглянулся.

На белых камнях башни красной краской шли неаккуратно, торопливо нарисованные местные буквы.

– Что там написано, Иштван?

– Ваше высочество... Это сложно прочитать.

Я пристально посмотрел на него.

– Иштван. Читай давай.

– Да, ваше высочество. Там написано «До ночи деньги ваши, после – наши».

– О как, – сказал я вслух. – Какой хороший город!

– Да, ваше величество, – сказал Иштван, сгибаясь в привычном поклоне. – Один из лучших на берегу, и даже в Империи трудно найти город, способный... – Бричку особенно чувствительно тряхнуло, и Иштван прикусил язык.

Далеко от города мы не отъезжали, Иштван встал стеной, утверждая, что свита моя не приличествует для дальних путешествий. Согласился только прокатиться под стенами форта, который прикрывал гавань.

Но и оттуда открывался вид о-го-го какой! Море, даже больше чем море, настоящий океан. Очень хотелось воду на вкус попробовать, соленая ли. Вопрос «А можно ли воду пить» я как-то постеснялся задавать, сочтут еще дебилом, и остаток сна проведешь в комнате с мягкими стенами, глядя в потолок.

Красиво тут. Я вышел из брички, с удовольствием прошелся по зеленой, сцепившей землю траве, остановился. За моей спиной задышал Иштван, мастер Клоту тоже нарисовался, лакеев оттерли подальше.

Два форта с катапультами на башнях, выстроенные на насыпных холмах, прикрывали обширную круглую бухту. С одной стороны сплошные скалы, за которые цепляются хилые елки. С другой стороны длинные золотые поля и лес на горизонте.

В портах корабли, множество кораблей. Самые разные, одномачтовики соседствуют с трехмачтовиками, даже вроде бы две громадины четырехмачтовых судов. Не знаю, как они именно называются, но выглядят просто замечательно.

Ой, вот бы бинокль...

– Подзорную трубу дали бы, – сказал я, оглядывая из-под руки порт.

– Ваше высочество, не запаслись... – Развел руками Иштван.

– Может, у охраны есть?

– Ваше высочество, откуда? Им уже не так хорошо платят, как при вашем уважаемом батюшке, Седдике Добром. Да и раньше... Это довольно дорогой инструмент, лишь лучшие капитаны кораблей, самые удачливые, могут себе позволить заказывать подзорные трубы в Империи.

– Убедил.

Я смотрел дальше.

Длинные насыпные волноломы, вдоль которых и швартовались корабли. Ряды складов рядом с портом. Хорошие склады, каменные, с треугольными черепичными крышами. Есть и открытые склады, просто огороженные пространства. Там ворохом навалены товары, которые можно хранить под открытым небом.

Корабли... О, корабли. Кто не мечтал о парусниках, настоящих парусных фрегатах, каравеллах, галеонах? Быть капитаном танкера в мальчишеских снах не модно, а вот быть капитаном королевского галеона и заслужить любовь прекрасной принцессы поди как часто снится! И принцесса с грудью не меньше третьего размера.

Королевский замок выстроен на холме, он господствует над остальным городом. Красивый он, если издалека смотреть, суровый такой, мощный, но вместе с тем не лишенный изящества. Вокруг него спускаются с холма роскошные дома, утопающие в зеленых садах, разделенные широкими проспектами улиц. Видны длинные черепичные крыши казармы гвардии, блестит золото рукотворных прудов.

Все это великолепие охватывает невысокая стена бело-серого камня.

Вне стены город превращается в пестрое одеяло самых разных построек. Разномастные крыши, изредка торчат вверх случайно уцелевшие деревья, склады, мастерские, дороги, по которым снуют люди-муравьи, широкие площади-рынки, на которых толпится народ. Иногда в пестром одеяле прорехи, стоят дома, окруженные стеной, с садами и прудами внутри.

Верхний город, обиталище аристократии Соединенного Королевства, парит над городом Нижним наособицу, вроде бы и в одном месте живут, а стена есть, и даже ров небольшой вокруг нее.

И еще одна стена, на этот раз выше и крепче, с башенками, на которых иногда видны часовые. Вне ее есть какие-то постройки, в районе моря и порта, но их мало и они какие-то неубедительные.

– А где наш флот? – спросил я у Иштвана.

– Наш флот в море, ваше высочество, – ответил распорядитель. – Они в далеком походе к островам, восстанавливают порядок в Морском герцогстве.

– Тут еще и пираты водятся?

– Ваш дедушка держал последнего взаперти до смерти, ваше высочество. И после того о пиратах не слышали много лет. А вот лет пять назад завелись снова...

– О, понятно. – Я еще повертелся на месте, изучая пейзаж. Без бинокля точно тяжело, не видно ничего. – Поехали дальше. Что еще можно осмотреть?

– Ваше высочество, время обеда, – вдруг напомнил о себе мастер Клоту. – Вы еще слишком слабы...

– Наверное, да, – решил я. – После обеда продолжим. Где обедать будем?

– Ваше высочество, тут неподалеку есть очень красивое место, где дворяне, верные подданные вашего высочества, предаются отдыху и вкушению пищи на природе. Если изволите, ваше высочество, то я...

– Изволю. Есть хочется что-то! А на всех хватит?

– Не беспокойтесь, ваше высочество!

Оказалось, что лакеи запасли всего с избытком. Хватило на меня, Иштвана и даже на мастера Клоту. Поставили споро походный стол, расставили множество кушаний, разожгли костер и насадили на вертел тушки тут же ощипанных птиц габаритами с наших тетеревов.

– Походный обед его высочества, – объявил лакей громким голосом и поклонился, едва не царапнув лбом землю.

Охрана частью спешила и встала вокруг, к нам спинами. Караулили.

Прожаренные и щедро сбрызнутые каким-то соком птицы оказались на диво как вкусны. Может, конечно, потому, что проездил я долго и впечатлений новых море. Немного смутило то, что есть птицу полагалось руками, и руки чистить потом пришлось все теми же розовыми лепестками.

Глава 6

*А в кипящих котлах прежних боен и смут
Столько пищи для маленьких наших мозгов.*

В. Высоцкий

На этот раз была моя смена и Вербицкого. Тот как всегда приволок какие-то доспехи и принялся их чинить-перечинивать. Кольчуга из проволоки конечно же. Драная, куски проволоки висят. Вот эти-то прорехи Вербицкий и латал, разложив кольчугу на столе.

– Вот это да, – вдруг заинтересовался я и подошел поближе. – Саш, а вы это как делаете?

– В смысле как? – недопонял Вербицкий, не глядя на меня. От дела он не отрывался, быстро работая остроносыми пассатижами. – Вот берем да делаем. Вот это кольца, стальные, в круг их гнем, потом друг с другом... Получается кольчуга. Что, даже в фильмах не видел?

– Да видел. – Я покачал одно кольцо, которое выпало из сумки Вербицкого, у себя на ладони. – Тяжелое!

– Ну, а ты думал. Халтура это на деле-то...

– Что, кольчуга твоя?

– Ну да. Кольца слишком большие получились, теперь вот переделываю.

Ну, на Вербицкого только сядь, так сразу много расскажет.

– Иногда бывает. У нас мастер есть, Фомой Неверным кличут. Так вот он в свое время всем наделал ложек, тарелок... Хорошо делал, надо сказать.

– А почему «делал»?

– Да его спалили в прошлом году, и где теперь он свои ложки вырезает... Надеюсь, не на зоне.

– За что на зоне-то?

– За оружие, конечно. Изготовил себе нормальный боевой топор и покромсал соседскую собаку, когда та его за ногу тяпнула. Ну и соседу досталось. Не стал дожидаться, пожитки в кучу, всем приветы сказал – и в бега.

– Поймали?

– Да кто ж его знает... У-у-у... Стерва... – Вербицкий уколол палец краем кольца. – Ну что же такое-то, а? Короче, мы в пятницу вечером собираемся за город махнуть... Михаил тоже хочет, он давно хотел посмотреть на древнерусские сексуальные обычаи... – Вербицкий хихикнул.

– Хорошая идея... – А вдруг там окажется что-то полезное, что поможет мне понять мир из моего сна?

Ночью снова сон.

На этот раз при пробуждении присутствовал мастер Клоту.

– Доброе утро, ваше высочество, – поздоровался доктор.

– Доброе утро, ваше высочество, – поздоровался Иштван, который тоже был тут.

– Позвольте вас осмотреть, ваше высочество, – вылез вперед мастер Клоту.

– Завтрак скоро принесут. – Иштван.

– Позже! Иштван, а где тут самая большая и серьезная библиотека?

Самая большая и серьезная библиотека, чуть ли не одна на всю страну, содержалась при Королевском университете Ильрони и Альрони. Смотри-ка, средневековые средневековым, а университет присутствует, да и не какой-нибудь, а Королевский!

Сам Королевский университет располагался в Нижнем городе, и здание его чем-то походило на мой королевский замок. Стена каменная, башенки, выдающиеся из стены вперед, за стеной вверх торчат острые высокие крыши, на которых реют алые и синие флаги.

Над массивными воротами, сейчас открытыми, герб – грифон, читающий книгу. И стража у ворот, трое воинов, в кольчугах, шлемах, при мечях. Молодые, но лица серьезные очень, суровые даже, я бы сказал.

Едва мы приблизились, как стражи мигом выдернули мечи из ножен и выполнили сложное движение. Я уж подумал, что сейчас будут мою охрану рубить, но они исполнили какое-то сложное движение и расступились, бричка въехала внутрь.

Внутри студенты, молодежь в простых мантиях, преподы в мантиях побогаче и профессора в совсем уж богатых одеждах. Все так же жмутся к стенам, кланяются, но уже не с таким пылом и рвением, как на улице. Да и лакей свою плетку прибрал куда-то. Ну, понятно, многие студенты тут с оружием, при мечях и при кинжалах.

В университетской библиотеке выяснился реально прискорбный факт. Я не умею читать на местном языке.

«История благородного рыцаря Ло, Надежды и Опоры Неделимой Империи». Вот так мне ее отрекомендовали, подвели к большой такой кафедре, на которой эта книга вольготно разлеглась.

И результат-то, а?

Глядел я на большую книжку в массивном кожаном переплете, поглаживая резную деревянную палочку-закладку, как баран на новые ворота, а по страницам книги птичьими следами разбегались неведомые мне буквы.

Зато картинками книга богата! Опять же рыцари, прекрасные дамы, какие-то толстяки в роскошных одеждах, короли и сеньоры, короче.

– Иштван! – окликнул я. – Я же не умею читать.

– Ваше высочество, можно позвать одного из ученых, тот будет читать для вас.

– Да нет, пожалуй, не надо... – призадумался я. Как бы объяснить потом, почему только что проснувшийся принц живо интересуется историей и географией своей страны? Да еще и ничего в этом не понимает? Ну, что не умеет читать, так это понятно, мал еще.

– Ладно, пошли обратно. Замок поглядим.

– Я к вашим услугам, ваше высочество.

Перед выходом из библиотеки собралась небольшая толпа студентов. Все делали вид, что пришли сюда случайно, просто занимаются чем-то иным. Но я постоянно ловил на себе взгляды из-под треугольных шапочек с пером. Тут шапки эти носили все: и профессора, и студенты, и, кажется, слуги. Черные треуголка, шляпа с треугольными полями, иногда золотом расшитая, и справа к ней перо приделано. У кого простое, длинное, пестрое, а у кого-то широкое и яркое, павлинье такое.

Откуда-то из-под ног охраны вывернулась смазливая девушка в длинном бело-зеленом платье, строгом с виду камзоле, перетянута в талии и свободном в груди, чепчике на голове и с длинным белым веером в руках. Миг – она передо мной, миг – и хитро поклонилась, на одной ножке присела, подол платья в стороны приподняла, головку склонила, глазками стрельнула.

Сначала я увидел глубокое декольте, а уже потом услышал как сквозь вату:

– Ваше высочество...

– Ага. – С собой удалось справиться с трудом. Лицу почему-то стало жарко, ногам холодно, а по рукам пробежали противные мурашки.

На меня глянули бездонные зеленые глазищи под пушистыми ресницами. Лицо ниже них кокетливо так прикрылось веером.

– Дворянство Соединенного Королевства радо вашему выздоровлению, ваше высочество! – певуче как-то произнесла девушка.

– А уж я-то как рад... Прошу меня простить, но меня ждут срочные дела. Что встали, пошли дальше! – Обогнул девицу и рванул чуть не впереди охраны, не оглядываясь. В этих лосинах на голое тело все видно сразу, когда, как и чего, а организм у меня уже достаточно взрослый и только что об этом заявил.

Вот оторва зеленоглазая! Теперь сиди скрючившись, пока не пройдет.

Надо тут срочно штаны ввести с жесткой ширинкой, моей королевской властью. А то и буду так бегать от любой красивой девчонки.

На улице заметил фонтанчик с питьевой водой, подошел туда поближе, сунул запястья под холодную воду. Во сне оказалось все точно так же, как и в реальном мире. Через полминуты всякая реакция уже пропала.

– Все, в карету... Иштван, в карету! Едем в замок обратно!

В сопровождении только Иштвана, оставив мастера Клоту вкушать послеобеденный сон, я прогуливался по коридорам и галереям.

Сколько же тут залов!

Малый пиршественный зал Восточной башни. Большой пиршественный зал, сейчас закрыт на уборку, но если ваше высочество желает... Королевская библиотека. Ну, в библиотеке я уже был, что второй раз позориться? Игровой зал Восточной башни. Тут стояли столы, меж которых прохаживались аристократы и перекидывались в какие-то настольные игры, то ли карты, то ли кости. Увидели меня, закланялись, как болванчики. Глянул скучающим взглядом на них – и дальше.

В тронный зал нельзя, пока королевы нет, ни-иззя! И стража ребята серьезные. Чуть-чуть иные кольчуги, чуть-чуть другое вооружение, а выглядят куда как круче, чем моя охрана. Стоят мертво, как и не замечают меня.

Скандалить с ними? Да зачем, тут есть еще много интересных мест.

В казначейство тоже нельзя, и в хранилище королевских указов нельзя. И в Западную башню нельзя, там тюрьма.

А в картинную галерею можно! И там интересно.

Вдоль всего коридора висели портреты и стояли доспехи прежних королей и королей Соединенного Королевства, а также важных и значимых людей. Много тут было кого. Короли, все надутые и в коронах. Королевы, с добрыми лицами и тоже в коронах. Важные маршалы в шлемах, гордые сановники в треугольниках и много прочих разных людей.

– Кто эти люди, Иштван?

– Это ваш благородный предок, король Урий Шестой. Убит заговорщиками.

– А династия?

– У него остался сын, ваш благородный предок, король Мург Третий. Вот его портрет. Он собрал войско, взял штурмом столицу и казнил заговорщиков. Был женат на имперской принцессе Алионе.

Королей и прочих изображали не только в форме портретов. Были и картины. Например, тот самый Мург Третий был нарисован на фоне большой богатой кареты куда как лучше, чем та брешка, что меня возила.

– А доспехи?

– Это королевские доспехи Урия Шестого, в которых он принял смерть от руки мятежников. Его сын повелел их разыскать и выставить тут.

Про каждого, кто изображен на картинах, Иштван что-то знал.

Король Урий Первый, основатель Соединенного Королевства. С борта драккара смотрит здоровяк в кольчуге, опоясанный толстым заклепанным поясом, мечтой любого металлиста, и в шлеме горшком. Одной рукой здоровяк держался за высоко поднятый нос корабля, а другой рукой уцепился за длинный двуручный меч со здоровенной гардой. Внушительный такой дядька.

Его супруга, королева Альвара. Настоящая валькирия, в доспехах и с секирой на поле боя, над телами поверженных врагов. Врагов навалило вокруг будь здоров.

– Основатели Соединенного Королевства, их величества Урий Первый и Альвара Первая. Они выстроили столицу и правили вместе, пока король не умер. После правила королева. Их сын – король Урий Второй.

Сухощавый парень в короне, ничего особенного. Лицо, конечно, волевое. Ну, королев-то иначе не рисовали, как мне кажется.

– Он выстроил порт и торговые склады на пирсе и разрешил беспоплавно заходить в порт купцам. Более того, он приказал своей дружине не грабить торговцев в порту и на десять полетов стрел окрест.

– Дальновидное решение.

– Это доспехи короля-рыцаря Мурга Первого.

Большой был мальчик Мург. Два меня ростом, доспехи цельнометаллические, тяжелые даже на вид. Поножи, поручи, шлем с высоким гребнем и личиной, секира и длинное копье с листовидным наконечником.

– Чем он знаменит?

Иштван принялся рассказывать про войну Соединенного Королевства и кочевников из Предвечной степи. Война была долгой, кровопролитной, досталось и кочевникам, и Соединенному Королевству, и много кто в той войне успел отличиться. Два генерала короля тоже заняли свое место в галерее, изображенные в доспехах и с мечами наголо. Большая честь, большое уважение для героев, как сказал Иштван.

Интересно, почему один портрет завесили гобеленом, да еще и пристегнули его к бокам картины бечевой? На гобелене выткана скорчившаяся за щитом женщина, голову под краем щита прячет, а ниже не видно.

– Иштван, а вот это кто тут?

– Это приказала ваша матушка, ее величество.

– Давай снимай эту тряпку.

– Ваше высочество...

– Ладно, тогда я сам.

На портрете была женщина, та же самая, как и на гобелене. Голая, в чем мать родила. И раненая, под грудью кровь, тонкая полоска крови, капли капают на землю. Так же прячется за щитом, склоненная голова, но в руке крепко держит меч, упирается им в землю. Несмотря на отсутствие одежды, никаких эротических желаний не вызывает. Неправильная фигура, полная чуть, не такая, как мне нравятся. К тому же кажется, что вот-вот кто-то поверит, что женщина мертва, и подойдет поближе – так сразу и получит коротким мечом в печень.

– Иштван, кто это?

– Это ваша досточтимая прабабушка, королева Идала Первая. На картине гибель королевы в битве при Мальтийском мосту. Как раз за эту-то картину бумагомарателя и казнили, слишком вольно он изобразил королеву. Хотя, по словам современников, королева была именно такая, как на картине. Художнику удалось передать ее совершенно точно. Картину долго не решались вешать, но традиции... Выход нашли. Картину повесили, просто занавесили гобеленом, вытканым по заказу. На гобелене, как вы видели, та же сцена, только в более приличествующем виде.

Вышли наружу, прошли по галерее над парком.

– Ваше высочество. – Передо мной присела в поклоне какая-то знакомая...

О, я вас уже где-то видел. Та самая девушка из Королевского университета.

– Здравствуйте, – угрюмо ответил я. Обошел по дуге и дальше.

– Ваше высочество, мы очень рады вашему выздоровлению! – пропела девушка за моей спиной.

Обернулся, поглядел на нее внимательно. Трудно внимательно глядеть, дама ростом чуть повыше меня.

– Вы уже это говорили.

– Но радость не знает границ... Позвольте выразить вам свое восхищение от лица всех дворянок Соединенного Королевства?

– Ее величество может быть недовольна, – обронил Иштван, пристально глядя на девушку.

Та даже поперхнулась, сбледила с лица. На миг я подумал, что она отступится, но вдруг в глазах девушки что-то такое мелькнуло, не то решительность, не то злость.

– Но при чем тут ее величество?

Иштван промолчал.

Девушка боком-боком в коридор и скрылась за углом.

Пока суд да дело, за окном уже вечер.

В замке запалили факелы, в саду один за другим занимались огоньки. На стенах тоже затеплилось, вверх поползли струйки дыма и послышалась перекличка часовых.

Мастер Клоту осмотрел меня и выдал вердикт: «Все в порядке».

Ужин, мясо с вареньем и хлебом, булочки, кувшин легкого вина, от которого у меня зашумело в голове.

Стоило выгнать всех, закрыть глаза, как сразу же пропал сон.

За дверью шум.

Кто это? Неужели заговорщики? Ну, быстро что-то, недолго я правил...

– Охрана, что там?

– Ваше высочество... – Дверь приоткрылась, всунулась морда стражника. – К вам...

– Да?

Дверь распахнулась окончательно, потеснив смущенного стражника, внутрь проникла... Женщина? О, да мы где-то виделись.

– Ваше высочество. – Присела в поклоне девушка. – Позвольте вам...

– Выразить восхищение? – догадался я. – Конечно! Заходи! Охрана, дверь-то что открытой держите, сквозняк же!

Мучают ли вас эротические сны? Да ну так сразу, отчего же мучают?

Глава 7

*Меньше пить,
Нам надо меньше пить,
Шляться по ночам
И траву курить.*

«Фактор-2»

Проснулся утром. Снова тело ломит и крутит, да еще им... Ого, а что это еще такое? Хм... Серьезный был эротический сон, если даже в реальном мире отозвался! Одеяло точно надо стирать, как и простынь. Хорошо что до подушки не дотянулся. Включил чайник, одеяло и простынь сунул в стиральную машину, сам встал под душ. Пока умывался, пока пил кофе, уже под одиннадцать часов.

Вербицкий встретил меня у метро.

– Привет, отрок! – сказал он мне.

– И те здорову! – отозвался я.

– Давай в колесницу, заждались уж!

Около бровки тротуара застыла Mitsubishi Delica, полноприводной минивэн с тонированными стеклами.

Открыли дверь, зашли. Внутри на заднем сиденье пристроился Михаил, он молчал и пялился украдкой на свою соседку, коротко стриженную брюнетку с мягкими чертами лица. Брюнетка делала вид, что его не замечает.

Водитель обернулся. Упс, праворукая, не водитель это...

Жилистый мужик с простым, совершенно не запоминающимся лицом, обрамленным небольшой светлой бородкой, широко улыбнулся.

– Наш опоздавший?

– Да, он самый! – сказал Вербицкий, садясь за руль. – Прошу любить и жаловать, Сергей, мы с ним вместе работаем!

Девушка отозвалась на Анастасию, именно так. «Не Настя, Анастасия, и только так!» Сухопарый отозвался на Молчана. Александр Вербицкий так и остался Сашей или Саней.

– У нас иногда имена другие берут, древние, – объяснила Анастасия. – Кто хочет, так тот берет.

– О, даже так? – глядя на Анастасию, произнес Михаил.

– Вы вообще как, русские все? – спросил Молчан.

– Все-все! – подтвердил я. – А хохлов и белорусов не принимают?

– Принимают. – Прищурился Молчан. – Все наши народы вместе жили, что русские, что белорусские... Что теперь-то делить? Любого принимаем, кто к нам придет. Вера предков никому не отказывает.

При Союзе тут был пионерлагерь. Потом, когда пионерия осталась только под КПРФ, да и то на митингах, лагерь забросили, а потом потихоньку его прибрали к рукам соратники Вербицкого, клуб исторического фехтования. Тут им самое раздолье, много площадок, на которых можно тренироваться и палатки ставить, да и что хочешь творить, менты не появляются, последний километр дорога была вообще разбита и изобиловала крутыми ямами, а в одном месте проходила опасно близко к обрыву.

«Делика» рычала движком, плевалась дымом, но волокла свой груз бодро. Молчан предложил выйти и помочь, если что, но Вербицкий отверг его быстрым и пренебрежительным взмахом руки.

Последний поворот, проехали ворота пионерлагеря, и вот внутри.

Заброшенные корпуса поодаль, на вытоптанном и очищенном поле стояли палатки и пара джипов. Старенький японец «Ниссан», тоже праворукий, как и «Делика» Вербицкого, одна «Нива»-трехдверка, черный УАЗ-469. Три здоровенные палатки, армейские, зеленые, растянута на колышках. Дымит небольшой костерок, над которым болтается большой закопченный котел.

– О, подъехали уже? – Навстречу выскочила невысокая худенькая девушка в белом переднике и с большой ложкой в руке. Рукояткой этой ложки она постучала по кенгурятнику «Делики». – Саня, выводите гостей, еда стынет!

С собой у нас был ящик водки и три ящика пива.

Неудивительно, что нажрались вечером знатно. Какие там шашлыки на природе, мало досталось... Хорошо, что к нашему приезду приготовили вкуснейшую кашу, которой и сдобрили сочные, жирные куски мяса.

Мишка, вот хитрый бес, еще в самом начале куда-то исчез под ручку с «Анастасией и только так», придерживая с собой пару бутылок пива. Думаю, не прогадал.

Пара человек напились практически сразу и ползали вокруг здоровенного костра едва не на четвереньках. Я и худенькая повариха, назвавшаяся Ярославой, оттащили их от огня в палатку, где те и уснули.

– Водка зло! – сказала мне Ярослава.

– Зло! – согласился я, откупоривая очередное пиво. – Хорошо тут у вас!

– А еще бы!

Помимо Молчана и Анастасии, мне уже знакомых, и Вербицкого, присутствовали еще Ярослава, Милена, стройная брюнетка с чуть серьезным лицом, носившая под футболкой кольчугу, и заводной и худой Светлан с обручальным кольцом, которое он носил на шее. Водку Светлан хлестал как воду, признаков опьянения не показывал. Полный и здоровенный что вширь, что в рост Хорс приветствовал нас, сказал, что в миру он Георгий, то есть дядя Жора, и пьет только ром. Можно с колой. И не один, так что не желаем ли мы?

Ром с колой приятно ударил в голову.

Эпизодически появлялось еще несколько человек, которых я не запомнил, большей частью в парах.

– Ну, новенькие, как тут вам? – Появился с пивом Вербицкий. – Мишка где?

– С Анастасией пошли гулять. – Хмыкнул я.

– Дело житейское! Как, не хочешь на идолов посмотреть?

– Запросто, пошли!

– Хорс сделал, – похвастался Вербицкий.

– Ого, – невольно вырвалось у меня.

По краю поляны, на отшибе, стояли идолы. Из бревен, вкопанных в землю, метра два высотой, старательно и упорно вырезали богов. Причем резчик имел талант. Конечно, до портрета королевы Идалы далековато, но... Красиво и с душой сделано!

– Вот это Перун? – показал я на бородача с мечом.

– Ну... Вообще-то... – замялся Вербицкий. – Это мы так. Это Хорс делал, еще когда в лагере подрабатывал. При совке еще. Потом вот раскопали, как на деле должны были боги выглядеть... Но не переделывать же? Да, это Перун. Вот это Симаргл. Вот это Сварог. Это Ярило. Это...

Потом мне показали ристалище. Стемнело уже, и толком разглядеть ничего нельзя было. Поляна как поляна.

Потом Вербицкий надел свою починенную кольчугу, а Милена заявила, что он балбес.

– Видишь, я в кольцо твоей кольчуги могу свободно палец сунуть. Значит, и кинжал сунут тоже.

– Наша мечница. – Посмотрел снисходительно все же на Милену Вербицкий. – Три года в школе фехтования, сабля...

– Сам ты сабля. – Милена сделала ударение на последний слог и повернулась ко мне. – А вы к нам надолго?

– Если понравится, то да.

– Тогда точно надолго. У нас всем нравится. Вот даже ему... – Она кивнула на Вербицкого. – А сначала не хотел...

– А что тут у вас?

– Военно-исторический клуб. Историческое фехтование, историческая реконструкция. Слышал про такие?

– Ну как не слышал, вас еще по телевизору показывали недавно.

– Да то дурачки были. У нас все серьезней, и оружие по весу, и доспехи не картонные. Вот у меня настоящая кольчуга, тройного плетения. Наши предки такие носили.

– Сама делала? – спросил я.

– Конечно.

– Ничего себе!

– Да что особенного, – смутилась Милена. – Обычная кольчуга, стальная проволока... Просто очень хорошая. Долго ее делать...

– Да видел, вон Сашок столько крутился. – Я кивнул на Вербицкого. Тот о чем-то говорил с Ярославой и не отвлекался на нас.

– Да дурак он ленивый. Кольца надо меньше плести... – фыркнула Милена. – Смотри вот на мою... – Она потянула подол кольчуги. – В кольца палец не лезет, значит, уже хорошо, обычный нож она до тела не допустит. И кольца друг за друга хорошо держатся, по три вряд... Такую так просто не прорубить.

– Ну, если топором достанется, так и мало не покажется... – сказал я, сделав хороший глоток пива.

– Закуси, – протянула мне Милена палку шашлыка. – Против того поддоспешник носят. Тулуп такой, прочный и толстый. Кольчуга удержит, а поддоспешник смягчает удары.

Я оторвал зубами кусок мяса, запил пивом. Милена забрала у меня бутылку, сделала глоток, вернула мне, подбросила дрова в костер. А я допил бутылку и потянулся за следующей.

В палатку меня втащила Милена, когда я едва не отрубился у костра.

– Вот сюда! – Впереди возник разложенный спальник. Это я еще смутно помнил. Потом помнил, что пошатывающаяся Милена через голову сбросила кольчугу свою, оставшись в одной футболке, расстегнула и скинула джинсы, скользнула ко мне поближе.

Дальше как-то все терялось... Терялось... Плыло в тумане...

И я открыл глаза, и снова уже знакомый парусник.

– Доброе утро, – сказал я.

– Доброе утро, ваше высочество! – сказал голос справа. О, совсем забыл, я ж не один уснул...

– И тебе тоже доброе утро.

Девушка потянулась, повернулась ко мне спиной. Встала с кровати, быстро облачилась в платье, снизу вверх.

– Ваше высочество мне пора идти, нас могут видеть вместе, это неприлично! – на одном дыхании выдала дама.

– Да-да, конечно. – Я потянулся. Попробовал встать, мутило очень сильно.

Я же пьян! Я напился в своем мире, а проснулся тут и пьяный!
Девушка подарила мне ослепительную улыбку и скрылась за дверью.
Муть из головы уходила медленно, неохотно.

Дальше все как обычно. Умывания, мастер Клоту осматривал меня, шатающегося, и хмурился, потом завтрак, за которым я выдул половину кувшина вина, и меня почти сразу вывернуло наизнанку, все съеденное и выпитое вылетело наружу.

До полудня я промаялся, отгоняя мастера Клоту. Тот все пытался намешать какой-то отвар и мне предложить, но мне становилось плохо от одного запаха. Иштван вот сразу понял и не лез, сел в прихожей и не отвечивал.

После полудня стало легче.

Ехать не рискнул, при одной мысли, что в бричке будет трясти, голова начала болеть заранее.

Решил прогуляться по парку. Конечно, в сопровождении. Три пажа, Иштван, мастер Клоту и его слуга с ящиком мастера, два лакея и десятка охранников, без них никак. Хорошо хоть, что держались они позади и вперед как-то не лезли. Пошатался по парку, посмотрел, как кланяются аристократы и аристократки. Девушки еще как-то странно подмигивали, что ли... Не знаю. Неужто им известно, что я уже ночью кого-то того? Хотя, если быть честным, это меня «того».

Пообедал там же, в парке. Слуги принесли еду и походный столик, охрана встала вокруг. С аппетитом умял половину зайца, фаршированного гречневой кашей, пивом запивать не стал, ибо в голове все еще туман плавал. Вкусно! Хорошо быть королем! Ну или наследным принцем, принцем тоже неплохо.

Потом меня занесло в казармы королевской гвардии.

Те самые ворота, которые я заметил еще в первый раз, открывались как раз в гарнизон.

Вот тут-то меня пробрало.

Вот это да!

Здоровенный плац, пустой сейчас, несколько слуг лениво машут метлами, сметая пыль и мусор. Слева пологие двухэтажные строения, длинные такие бараки, разве что каменные и с острыми крышами. А вот справа тренировочные плацы, на них три пары упорно лупят друг друга деревянными палками под присмотром крепкого мужика в простой рубахе и штанах, чем-то похожего на сержанта из американских фильмов. Ну, того, который новобранцев учит суровой армейской науке.

– Четче, отродье! – как раз скомандовал мужик и пошатнулся, в последний момент успел удержаться за бревно, вертикально вкопанное в землю.

Я остановился.

– Это тренировка королевской гвардии, ваше высочество... – сказал Иштван.

– Да уж вижу.

Парни, да почти подростки, старше моего теперешнего тела лет на пять, мутузили друг друга старательно. Мечи сталкивались с треском, иногда летели щепки, при удачных попаданиях по поддоспешнику отроки хекали и сдавленно ругались.

Их тренер пытался устоять на ногах, запах сивухи витал над плацем.

– С утра выпил, весь день свободен, – громко сказал я.

Сержант обернулся, попытался встать ровно и таки свалился на плац.

Отроки остановились, опустили мечи, растерянно глядя на меня.

– Как верно подмечено, ваше высочество, – раздался за спиной шепоток Иштвана.

Сержант заворочался, как большая черепаха, пытаясь подняться. Упер в землю свой тренировочный меч, напрягся, выпрямился и встал перед нами на согнутых ногах.

– Его высочество наследный принц Седдик Шеен! – сказал лакей, снова из-за спины.

Сержант попытался поклониться, качнулся еще сильнее, едва не упал и осмотрел меня бутылочного цвета глазами. Видно, что отдыхает мужчина не очень давно, но серьезно, на щеках щетина, на лбу морщины, под глазами мешки.

– Кланяйся, что, совсем разум пропил? – Слуга выступил вперед, размотал плеть и наотмашь врезал сержанту по правому плечу, с перехлестом.

– Ик! – громко сказал сержант, покачнувшись.

Слуга замахнулся второй раз, ударил. Снова с перехлестом, кончик плетки обвился вокруг левого плеча, лопнула ткань рубахи, показалась кровь.

Сержант еще раз покачнулся.

– Ну-ка... Хорош... – Я дернулся остановить, да не успел.

– Ах ты... – Слуга еще раз взмахнул плеткой.

Дальше я не понял, что случилось. Сержант качнулся как-то особо сильно, навалился на слугу, тот хыкнул – и двое застыли в странной скульптуре. Причем слуга как-то все ниже, ниже, ниже... Шлеп! И лежит на земле, как пьяный сержант до того.

– Так, спокойно... – сказал я. И сам поразился тому, как плохо и по-мальчишески прозвучал мой голос.

Спокойным ничего делаться не спешило. Сержант поудобнее перехватил свою палку и отступил на пару шагов, слуга сворачивался клубочком в позу эмбриона, поскуливая, отроки совсем тренировку забросили и сбились в кучу.

Мутный взгляд сержанта коснулся меня, обежал с ног до головы.

– Ик! – сказал сержант.

– Иииууу... – На одной ноте выл слуга, процарапывая деревянными подошвами ботинок дорожку в пыли.

– Ваше высочество... – раздался из-за моей спины голос Иштвана.

– Молчать! Ты, – ткнул я рукой в сержанта. – Зачем ударил слугу?

– Не бил, – промычал пьяный сержант.

– Ваше высочество.

– Что?

– Обращаясь ко мне, тут все добавляют «ваше высочество». Древний красивый обычай, понял?

– Не бил я его, ваше высочество! – сказал сержант. Только теперь я заметил, что пьян он гораздо больше, чем кажется. Как из прокисшей винной бочки разлило. Плохой и дешевый алкоголь, смешавшись с запахом пота, разве что мух на лету не сбивал. – Разве ж это удар? Это так, немного...

– Вижу, что немного, – хмыкнул я. – Как тебя зовут? И что ты тут делаешь?

– Меня зовут Седдик Гор, ба... – Сержант попытался поклониться, вышло какое-то шатание.

– Стоп, стоп, разрешаю не кланяться! Грохнешься еще снова.

– Ваше высочество! – задушенно зашипел Иштван.

– Завтра поклонится два раза. За сегодня и за завтра. Итак?

– Я Седдик Гор, барон Кривой речки, ваше высочество. Децимал королевской гвардии. Тренирую новобранцев.

– Хорошо же ты их тренируешь... – Я поглядел на новобранцев. – Сам еле на ногах держишься.

– Да, ваше высочество.

– Тренируй дальше. Мастер Клоту, осмотрите слугу. Что там с ним...

Вперед выскользнул доктор. Выхватил у слуги свой ящик и принялся колдовать над пострадавшим.

Сержант все так же стоял на месте.

– Ну, что застыл-то? – Я внезапно ощутил интерес. Завтра же... То есть когда проснусь... Милена и Светлан мне поединок обещали. Посмотреть бы на то, как тут тренируются, а? Может, и самому чему поучиться.

– Да, ваше высочество. Отроки, продолжать!

Отроки нехотя разбились на пары, как и были, и принялись мутузить друг друга палками.

Сержант чуть встряхнулся, пришел в себя. И хотя от него по-прежнему несло перегаром, но дело он свое знал. Отроки мутузили, сержант поправлял их, а при неправильных движениях сам выдавал провинившемуся по первое число.

– Четче удар! – Сержант метался между тремя парами, сражаясь с алкоголем. – Вот ты, блокируй мой... – Меч без резкого замаха опустился на плечо взывшего отрока. – Ну, понял? Будешь так медленно защиту ставить, сам без рук останешься! Еще раз! Пока не получится!

Мне поставили походное складное кресло, которое я проигнорировал, смотрел на тренировку. Было очень интересно.

Удар начинается с ног, проходит по бедрам в живот и спину, а уже только оттуда в руки, рушится полным усилием всех мышц тела. Шаг ногой вперед, с резким выдохом – удар! Отступление, меч вверх, блок! Потом по шее от сержанта, потому что что-то неправильно, и снова те же движения.

Отроки двигались хорошо, гораздо лучше, чем Вербицкий, когда он приволок тренировочный меч в спортзал и пытался что-то показать. Серега-большой тогда легко уклонялся от клинка и выдавал Вербицкому леца за лецом, поучительно подсказывая, что меч та же палка, и ничего не зависит от оружия, а все зависит от человека.

Потихоньку стали появляться новые действующие лица.

Сначала какие-то аристократы из дворцовых обитателей запестрели на стенах. Потом появились группки солдат, такие же бородачи, что меня охраняли, только без шлемов и кольчуг. Группировались поодаль, на нас поглядывали.

Последним подтянулся большой и здоровый дядька, важномордый, со свитой из охраны и лакеев.

– Генерал Ипоку, граф Септский, – склонился к моему уху Иштван. – Командующий королевской гвардией.

Генерал зыркнул на меня нехорошо. Потом так же нехорошо поглядел на извивающихся в попытках нанести правильные удары отроков. Потом снова на меня. Нахмурился. И решительно зашагал к нам.

Солдат как ветром сдуло. Отроки снова бросили тренировку и сбились в кучу.

Иштван что-то такое прошипел, похожее на ругательство.

Я не обратил внимания, остался стоять как стоял.

За три шага до меня генерал остановился и отрывисто поклонился.

– Ваше высочество!

– Мой генерал! – Чуть склонил голову я. Чем-то напомнило мне это Латинскую Америку. «Пабло!» – «Да, мой генерал!» Это откуда же у меня во сне такой кривой образ-то?

Генерал поперхнулся и воткнул в меня злобный взгляд.

Граф Септский, генерал Ипоку, был высок, широк и толст. И носил он панцирь, золотой, украшенный тонкой гравировкой, изготовленный не иначе как по специальному заказу. А на голове его красовался роскошный золотой шлем, с нащечниками, украшенный высокими перьями. Нащечники генералу явно были необходимы, жирные щеки так и норовили выскользнуть за металл, тонкие губы кривились, а пороссячи глазки важно глядели на мир.

Все вместе, и поворот фигуры, и толстые пальцы на рукоятке полуторного меча на поясе, и пижонский шлем, и все остальное только подчеркивало важность и даже брезгливость генеральской морды.

– Что вы делаете в казармах гвардии?

Я несколько опешил, надо сказать. Вдруг вспомнилось, что я всего лишь наследный принц, а командует-то кто-то другой, явно другой. И как бы генерал имел не больший статус, чем всякие там принцы...

– Сижу, – ответил я.

– Это и так видно! – рыкнул генерал на полтона громче. – Вы мешаете воинской тренировке, ваше высочество! Ступайте во дворец, а не то прикажу выставить вас отсюда силой!

– А посмеешь ли? – спросил я. В груди с неизжитым хмелем из того, не сонного мира вдруг закипела ярость.

Ярость полыхнула и в глазах важномордого генерала.

– Ее величество оставила про вас довольно ясные предупреждения, ваше высочество. В том числе и о количестве розог, кои следует вам выдавать при вашем плохом поведении. Эй, охрана, олухи, побери вас Порождения! Еще раз увижу тут эту соплю, сами на кровавые сопلي изойдете. И передайте это лейтенанту Лургу. Иштван, говно зеленое, ты тоже понял все? Пшли вон, обосранцы!

Генерал развернулся и зашагал обратно к казармам, взмахом руки разогнав со своего пути свиту.

Спорить смысла не имело, я поплелся обратно во дворец, сопровождаемый молчаливым Иштваном и еще более молчаливым мастером Клоту.

Вот так-то.

Умыли тебя, принц.

Глава 8

*Как шатались бойцы,
В землю упирая мечи.*

В. Цой

Молчан с мечом наизготовку отступил.

– Неправильно ты, дядя Федор, горло режешь! Вдоль, вдоль надо!

Я перехватил меч еще раз. Рукоятка стала скользкая от пота.

– Еще раз пробуем... Ведешь вдоль! Резче руби!

И второй, и третий... Разе на десятом я шатался не меньше, чем пьяный деци-мал-инструктор в моем сне.

– Перерыв! – сжалился Молчан, опуская свой деревянный меч.

Я опустил свой, присел на подвернувшийся корень дерева, через голову стащил с себя кольчугу. Милена сказала, легкая... Ничего она не легкая, руки просто отваливаются. И под-доспешник уже выжимать надо. Его тоже снимаем... Ох!

Мечи хоть и деревянные, но тяжеленные, плечи гудят, ноги от прыжков по поляне сами не свои, дыхание с трудом протискивается в грудь, и весь мокрый, как мышь.

– Каково, а? – Рядом со мной на землю плюхнулся Молчан. – Вот так же наши предки рубились. Правда, у них по целому дню махали, туда-сюда... Представляешь?

– Слабо как-то, – выдохнул я. – Тут с утра машешь, а уже ни в одном глазу и руки-ноги отваливаются.

– Ну, так наши предки и тренировались всю жизнь. С утра и до вечера, только этим и занимались. С шести лет, в шесть уже малец деревянный меч получал, настоящий в двенадцать давали. Крестьяне-то этим не занимались, да и времени у них не было. Их дело землю пахать... Кстати, рубишь ты хорошо, где-то учился?

– Да, как-то приснилось.

– Хорошие сны снятся. – Покачал головой Молчан. – Ну что, еще раз?

– Давай... – закричал я.

С мечом было сложно, но интересно. Преодолевая усталость, я им махал то так, то эдак, пытаюсь достать Молчана. Тот то уворачивался, то блокировал мои удары, и, выбирая момент, поддавал мне то по ребрам, то по плечам. Кольчуга с поддоспешником спасала. Разве что синяки потом будут, да и ладно.

– Эй, двое! – крикнула Ярослава. – Есть идите!

– Мужики, а вы вообще давно так? – спросил я, за обе щеки уплетая горячую гречневую кашу с кусочками сосисок.

– Да я вот уже почитай лет десять, – степенно ответил Молчан. – Еще при Союзе начи-нали.

– А вас Санек привел, – сказала Ярослава. – Вы с ним работаете?

– Да, есть такое.

– Ого, крутые охранники? Сейф с золотом охраняете?

– Да нет, ты что! – Покачал я головой. – Я вот вообще студент в свободное от работы время.

– Да? Подрабатываешь?

– Ну, а кто сейчас не подрабатывает. Ребят, а вы только с оружием, или как еще?

– Как еще, – улыбнулась мне Ярослава. – Мы же не только оружием, мы люди серьезные. Через недели две в Ленинград поедem, там ребята копать будут... Где бои шли. С нами не желаете?

– Если работа позволит, я же человек подневольный, – улыбнулся я.

– А как ты к богам относишься? – спросил вдруг Молчан. – Крещеный небось?

– Да не знаю, если честно. – Покачал головой я. – Мелкий был. Не помню уже я тех времен, может, да, а может, и нет.

– Крестик не носишь, – серьезно сказала Ярослава. – В церковь тоже не ходишь.

– Такие нашим, древним богам любви, – поддержал ее с другой стороны Молчан.

– Древние боги? – насторожился я. Ну что, Аум Сенрикё от древнеславянской культуры? Сейчас будут вербовать в секту. Половину имущества передать сразу, вторую половину после посвящения. И потом во всем слушаться духовного гуру...

Ну Вербицкий. Ну удружил, реконструктор панславянский!

– А кто духовный гуру и куда сдавать денег? – напрямую спросил я.

Ярослава рассмеялась, улыбнулся и Молчан.

– Вот ты даешь! Думаешь, в секту вербуем? Да не, у нас тут все по добровольному согласию! Если хочешь, то ходишь. Денег тоже по силам, на еду да одежду, на топливо и реквизит. Мало ли что надо. Этим Светлан занимается, он у нас бухгалтер в другой жизни. Или просто что можешь, то покупаешь. Все просто.

– Простите, ребят, не подумал! – сказал я.

– Ну вот так всегда! – улыбнулась Ярослава. – К богам ночью пойдем, лады? Милена, хватит дрыхнуть! Все уже проснулись! И где Анастасия-то с новеньким? Как его там?

К вечеру разожгли большой костер перед статуями богов.

В лагере реконструкторов народу к вечеру существенно прибавилось. Появились Мишка с Анастасией, которые до полудня спали в отдельной палатке, и Милена, но уже без кольчуги.

Кстати, вот убей не помню, было ли у нас с ней что-то вчера?

Пили медовуху. Не знаю, что это такое, но после нее ноги вообще ходить отказывались. Помня про то, что ночью я проснусь уже там, я пил умеренно, ходить с туманом в голове не хотелось. А вот Милена набралась.

Потом были и прыжки через костер, и Милена в одной длинной футболке, которую я нес до палатки, а она рукой ухватилась за свою кольчугу. Донести девушку стоило больших трудов, кольчуга так и норовила за что-нибудь зацепиться на земле.

В палатке я отнял у нее кольчугу, уложил на спальник, попытался укрыть другим, и почему-то оказались ее руки у меня за шеей. Пока я думал, что же делать, ее губы быстро нашли мои губы, и все решилось само собой.

– Доброе утро, ваше высочество. – Женский голос рядом.

Так, совсем забыл. Ночью во сне тоже был секс. Доброе утро, девушка. Плохо, что не знаю вашего имени и титула... Да как-то не с руки спрашивать теперь.

– И тебе доброе утро.

Девушка встала, потянулась всем телом, не выпуская меня из виду.

Эх, маленький я еще тут, маленький! Но вот попалась бы ты мне там, дома... Хотя о чем это я? Такие девушки дают мне только во снах. В тех самых эротических снах, которые совсем не мучают.

Молча и обворожительно улыбнувшись, быстро оделась и выскользнула за дверь.

Ну, где как, а эти сны начинают мне нравиться.

Позавтракал, погуляли по парку, выехали в город.

На площади, там, где я пару дней назад обещал народу выпить, стояли пустые бочки в окружении горы мусора.

Большие такие бочки, в полтора моих роста, поставленные на попа. В каждую вниз вбит большой кран, видны подтеки вина. Весь низ просто утрамбован объедками, рванными тряпками, бурой грязью. Рабы, совершенно такие же, как и во дворце, только гораздо более ободранные и бедно одетые, и каждый с тусклым ошейником на горле, подметали площадь, стаскивали мусор в большую тележку.

– Долго веселье было? – спросил я Иштвана.

– Да, ваше высочество.

– Ваше высочество! Слава! – кто-то крикнул с площади.

Кто это там так разоряется?

О, десяток ободранных личностей под стеной дома подпрыгивали и махали руками.

– Народ, ваше высочество, рад вашему выздоровлению, – сказал Иштван нервно.

Заметив, что я обратил на них внимание, личности приостановили веселье, скучковались. Один вышел вперед, вытянул вперед правую руку и резко ударил по ее бицепсу левой рукой. Думаю, что тут этот жест значит то же самое, что и в моем мире.

Моя охрана сделала вид, что это их не касается. Самый главный мой охранник, отличающийся от остальных выбритым лицом и камзолом поверх кольчуги, расшитым золотом, привстал на стременах, погрозил кулаком, но личности не впечатлились.

Слуга, которому вчера досталось от сержанта, с обреченным видом двинулся туда, на ходу разматывая плетень.

– А ну стоять! – прикрикнул я. – Мало вчера дали?

Слуга приостановился и с видимым облегчением вернулся.

– Поехали отсюда, – приказал я. – Поехали!

Под свист и улюлюканье бричка выехала с площади.

Ну и подданные у меня. Хорошо хоть, что не стали гнилыми помидорами швыряться.

Катались за городом. Выехали к форту, посмотрели на корабли. Издалека, конечно же, близко не стали. Тут и галеры есть, одномачтовое что-то такое, с рядами весел, сидит низко... Очень на драккар похоже. Вот, даже дракон на носу есть. И большие, торговые корабли, весел мало, зато две-три мачты, паруса не только прямые, но еще и косые, крутые борта и высокие кормовые надстройки.

Потом еще к лесу съездили, который называли «Костяным». Иштван хмурился, на прямой вопрос ответил, что место это древнее, с памятью.

Оказалось, что еще в древние времена на страну напали кочевники из Предвечной степи. Прошли через все королевство, как нож через масло, и под стенами столицы сошлось спешно собранное королем-рыцарем Мургом войско из городского и сельского ополчения и отборные войска кочевников. Кочевники резали ополченцев два дня, да так увлеклись, что прозевали прибытие свежих войск, которые степняков окружили и всех порубили. Выжившим ополченцам король Мург даровал свободу, королевское разрешение жить в городе и не платить подати. Не так много выжило-то, для казны не очень большие потери оказались.

Кочевников потом замирили, очень серьезно за них взялись. На много полетов стрелы в степь отодвинули границу, построили крепости и форты, секреты поставили. Но это уже потом, когда королевство собрало и обучило новые войска и подросли новые мужчины.

На месте побоища никто не убирал трупы, просто не было для этого сил. Большая часть мужского населения столицы и окрестностей сгинула в бойне. Сам король и его дворяне были заняты, чистили Предвечную степь. И через некоторое время тут вырос лес, прямо на костях.

Потом вообще стало некогда, новые дела, новые заботы. А лес рос себе да рос... Теперь, говорят, призраки умерших воинов иногда сражаются там с призраками степняков в жестокой сече.

Ну, легенда такая красивая. Вот уж сколько лет мальчишки оттуда тащат разное, то наконецники от стрел, то соржавевшие в нитку пики, из кос перекованные, а то кто и шлем домой

приволочет, похвастаться. Только чем хвастаться, если дед того мальчишки в свое время, когда еще сам мелким был, с того же поля ржавый кинжал в дом приволок?

– Вы очень хорошо знаете легенды, Иштван, – похвалил распорядителя я.

– Я родился в городе, ваше высочество. И довольно часто бывал тут.

– Вы? – Я оглядел высоченного и худющего распорядителя. Как-то не верилось, что вот эта каланча коломенская когда-то бегала по лесу с другими мальчишками, что-то копали, играли в войнушку там...

– Да, ваше высочество.

– Понятно.

В замке меня ожидал сюрприз. Едва мы въехали в ворота, как к Иштвану подбежал слуга, на ходу сгибаясь в поклоне, и протянул свиток, запечатанный большой сургучной печатью.

Иштван взял свиток, сорвал печать, развернул бумагу, пробежал глазами. Обернулся ко мне.

– Ну, что там?

– Ваше высочество, – торжественно сказал Иштван. – Ее величество, ваша царственная матушка, прислала гонца. Вскоре королевский корабль будет в столице.

– Ну, вот и с матушкой познакомлюсь, – пробурчал я.

Заснул я снова не один. Зеленоглазая красавица была удивительно настойчива!

– Добрый вечер, ваше высочество. – Она соблазнительно изогнулась на кровати. Тонкое шелковое одеяло обрисовало каждый изгиб тела.

– Добрый вечер! – улыбнулся я. – Ну скажи, как ты проникаешь ко мне в спальню мимо охраны?

– У нас, у женщин, свои секреты, ваше величество! – еще одна очаровательная улыбка.

Нет, все же хорошо быть королем.

С этой мыслью я и проснулся.

Так... Засыпали с девушкой, просыпаемся тоже с девушкой. Милена спала, уткнувшись мне в плечо. Футболки на ней уже не было, она прикрылась спальником. Под другим боком откуда-то взялась кольчуга, от которой мне было холодно и неудобно.

Зевнув, я огляделся.

О, вот Мишка с Анастасией спят в обнимку.

Голова не болит у дятла. Наверное, я тоже дятел, и голова тоже не болит.

Выбрался, укрыл заворочавшуюся Милену.

На площади горел костер, над ним курился котелок с каким-то варевом. Пахло очень вкусно. Вербицкий ворошил палкой угли, не давал костру затухнуть окончательно.

– Доброе утро...

– Доброе утро, – отозвался я. – Еда?

– Еда, еда. Сейчас обратно поедем, только съедим что-нибудь, мне градус сбить... Градус сбить. Как тебе у нас?

– Понравилось! – честно ответил я, вспомнив про спящую в палатке Милену. Хорошая девушка, однако.

– Да уж заметно, – хмыкнул Вербицкий. – Давай присоединяйся, порубаем, что Перун послал...

– А разве Перун пищу посылает? – Я нашел ложку, присел ближе. Вербицкий по-простому поставил котелок на землю, принялся за еду.

– Да кто его знает. Ну, тогда Симаргл. Какая разница? Вкусно, так и ешь.

– Это точно! – Плечи сразу отозвались болью. Молчан хорошо вчера прошелся. Через костры прыгали уже позже, а до того меня хорошо так погоняли по плацу... То есть по полянке,

какой тут еще плац? Синячищи на плечах ого-го какие! А завтра еще тренировка на фирме, что же будет...

Хорошо, что присмотрел, как рубить надо. Во сне, когда сержант своих гонял.

Вдруг я понял, что меня сон совершенно не беспокоит. Поят, кормят, дают. Ну что еще надо для полного-то счастья, а? Надо бы еще там в путешествие отправиться. Или это... Или даже групповуху устроить, ну кто может отказать королю? Как говорится, четыре сиськи лучше, чем две.

Глава 9

*Вай не буду горевати,
Буду танцевати...*

Верка Сердючка

– Мой малыш! – Меня облапили, положили ладони на щеки и покрутили из стороны в сторону. И все это при большом скоплении народу. Да еще и духами чуть не отравили.

– Совсем худой такой! Кто кормит? – Голос сменился на рык. – Плетей всыпать повару два десятка! – И снова такое умильно-ласкающее. – Как ты, мой хорошенький?

– Мам, нормально! – соврал я от души.

Большой корабль у причала. Матросы и воины, тоже все в кольчугах и шлемах, начищенных, как у кота яйца. Охрана, такие же морды, что и тронный зал охраняют, на полголовы выше моих охранников. Флаги на пристани. С десятков разных карет, из которых вылезли надушенные и накружавленные аристократы, в сопровождении толпы лакеев и негров с опахалами и чашами с водой. Денек выдался жаркий, ветер с суши тащил в море душную вязкую жару.

Ну, и мама.

Тетя меня чуть повыше, зато в ширину как три меня, в цветастом, как у цыганки, платье, увешанная золотом да драгоценными камнями, аж глаза слезятся от блеска. Правда, для меня драгоценные камни как куски бутылочного стекла от «Балтики № 3», без разницы, все равно я в них не понимаю ничего. Как и в серебре-золоте, все эти кольца-браслеты мне тоже как-то по барабану. Да и одежда у них так себе, у нас Китай лучше шьет.

– Где Иштван? Иштван!

– Я тут, ваше величество!

– Как мой сын?

– Мастер Клоту говорит, что никогда не видел ребенка здоровее, ваше величество.

– Не наврал! – Всплеснула руками мамаша. – Как не наврал! Ну, в дом, все в дом...

Меня схватили за руку и поволокли в здоровенную крытую карету под флагом Соединенного Королевства.

Золото, ковры, бархат и атлас, и запряженная шестеркой... Нет, восьмеркой... Да нет же...

Заволокли в карету раньше, чем успел лошадей сосчитать.

Ну и началось. Меня так даже в детстве не тискали. Маманя новообетенная все за щеки норовила пощипать, дала какой-то липкий леденец, который я благополучно спустил под бархатную подушку. Мамаша не заметила, сунула второй.

От королевы пахло какими-то терпкими духами, да так, что у меня начала кружиться голова. Пришлось сесть к окну поближе, легкий сквозняк сбивал запах духов, и начало вонять застарелым потом немывтого тела.

Карета ехала мягко, гораздо мягче, чем бричка. Наверное, в этом были повинны рессоры и большие колеса. Внутри бархат и изящно выделанная кожа, сиденья набиты не иначе как пухом, я наполовину провалился, раздвижной столик, на котором в коробочке слиплась горсть леденцов, и даже застекленные окна.

– В Империи делают! – Погладила пухлой рукой королева-мать по бархатному сиденью. – Дорого, дорого! Седдик, мальчик мой, тебе нравится?

– Очень, очень! – покивал я, стараясь дышать ртом.

Вихрем ворвалась королева в замок, и тут началось...

Как линкор через бурю, королева во главе свиты следовала коридорами и переходами. Вокруг нее начинался хаос.

Хотя замок мыли и чистили уже неделю, но сразу нашлось, за что кому плетей выдать. Через полчаса в парке уже слышались вопли поротых слуг.

Досталось и кому повыше, одну девушку мигом удалили со двора, аристократ, невзначай попавшийся королеве в коридоре, получил веером по лицу и повеление «год при дворе не показываться». По мне совершенно ни за что, просто так.

Ого, а кто это у нас тут? Вот эту морду я знаю!

При входе в тронный зал стоял, горделиво поставив ноги, басистый бородач из моего второго или третьего сна. Тот самый, в золотом халате и с саблей на поясе.

– Любезный граф Дюка! – Раскинула объятия королева.

Значит, вот эта борода-бас зовется графом, да еще и Дюком?

– Ваше величество! – Склонился в ловком поклоне граф, избегая царственных объятий. – Для нас всех большое счастье видеть вас во дворце! Хорошо ли прошло ваше путешествие?

– О, любезный граф, ужасно! Эти моряки такие невежды... Настоящие варвары!

Предупредительные лакеи распахнули большие двери, и мы вошли внутрь.

Из рук графа королева приняла большой скипетр, два умытых и выбритых лакея возложили ей на голову корону, и она уселась на здоровущий трон в центре.

– Ну, кто за порядком глядел? Граф?

Начался скучный доклад.

Постепенно в зале набивалось народу больше и больше, мелькнул где-то в толпе хам-генерал Ипоку в золотом доспехе, надувавший щеки под шлемом. Аристократы рассредоточились по стенам, их растолкала охрана королевы, выходя на свои места. Мою охрану вообще выперли за дверь и заставили ждать там.

Выходили перед королевой люди, один за одним, кланялись, делали доклады. Королева скучала, но старалась вникать. Кому-то доставалось плетей. Кому-то пара золотых или какая-то побрякушка. Кому-то просто молча кивали, следующий, мол. Иштван подсовывал королеве свиток за свитком, граф басил справа, я сидел на стульчике слева.

От скуки попытался вникнуть в суть происходящего – и неожиданно увлекся.

Кого тут только не было, все королевство тут было. Дворяне, мелкие аристократы, богатые главы городских профсоюзов, ну тут профессиональные объединения гильдиями назывались, старосты ближайших деревень и старейшины городских улиц, капитаны стоявших в порту кораблей, еще какие-то важные разодетые типы, род занятий которых я просто не понял. Были и мастеровые, и даже делегация крестьян, и ворье даже было, преступники.

Делегация из трех аристократов почтенных годов просила поучаствовать в судьбе поместья их соседа, где сын мал еще, а взрослых мужчин на охоте медведь задрал. Протратит ведь сын все, протратит...

Всплакнула королева, выдала аристократам золотое блюдо с царского плеча, приказала Иштвану записать, а графу Лургу – проследить. Толстяк в халате и камзоле, похожий на мешок тряпья, перевязанный двумя золотыми цепями, одна посередине, другая повыше, поклонился неожиданно низко для его комплекции.

Аристократу ввалили плетей за дерзость, после того, как он попросил войсками помочь, ибо сам не справляется с нападением... Нападением кого, я не понял, ибо в этот момент королева и огласила свое решение. Аристократ аж побелел, дернулся, да королевские стражники его скрутили и уволокли во двор.

– И чтоб год при дворе не показывался! – взвизгнула вслед королева.

Еще несколько дворян попрошайничали по мелочи, кто-то получал требуемое, кто-то получал плетей за дерзость, со двора долетали вопли поротых. Я все никак понять не мог, кому сейчас денег дадут, а кого потащат во двор, выбор делался, казалось, совершенно случайно.

Делегация городских старейшин, с просьбой наказать зарвавшихся стражников, недавно избивших честных купцов на пристани. Королева обещала подумать, выдала старейшинам платок с королевского плеча, один на троих, и отпустила.

Дальше крестьяне, пятеро сублильных мужиков разного возраста в грубой одежде, подпоясанные веревками, с рюкзаками-сидорами за плечами, поднесли королеве в дар вырезанную из ценной породы дерева статуэтку. Дворяне похихикали в платочки и веера. Королева с милостивым лицом выслушала просьбы крестьян избавить их от всех бед, прослезилась, приказала выдать крестьянам три золотых и отправить с миром.

Крестьяне, просветлившиеся лицами, попятились задом из залы.

Тут, небось, царь что бог, ему и молиться можно.

Дама в годах, сушеная, как вобла, и смазливового вида племянник при ней жаловались, что пропал купец, кормилец семьи, родственники ищут.

Расплодились хищники на холмах, стража не справляется, задрали лесорубов.

У купца сгорел склад, он просил защитить перед кредиторами.

Пара купцов дары притащили, хорошо что вы вернулись, ваше величество, век бы без вас бедовали.

Несколько воров просили о снисхождении. Пойманные не в первый раз, им путь уже на плаху или на каторгу пожизненную, что суд решит. Двоих отпустили, выдав мелкую серебряную денежку и наказав «Больше не шали», а одного, смотревшего наиболее дерзко, приказали запрятать обратно в городскую тюрьму, «пока не исправится».

Старосты городские и деревенские снова жалуются на распоясавшихся стражников. Бьют, обижают, взятки вымогают. Короче, не знают меры совершенно, ваше величество! Образуемте, слезно просим!

Та покивала, обещала помочь.

А я от нечего делать стал глядеть по сторонам и заметил, что среди этой людской реки, влекущей людские капли через тронный зал мимо утеса-королевы, есть один небольшой такой островок... Да какой там островок, скала просто! И людские воды эту скалу очень уважительно огибают.

Центром этой скалы являлся граф Дюка. Хмурился, оглаживал бороду, впивался взором в каких-то людей, от чего те бледнели, снова оглаживал бороду, теребил большим пальцем крепление сабли к поясу. Люди вокруг старались держаться от него подальше, даже слуги обходили.

За спиной графа Дюка кучковались еще трое. Одна дама, сухая и худая вобла в богатом желто-зеленом платье, с брильянтами и диадемой на голове. Однажды к ней обратилась королева, назвав графиней Нака. Граф Лург молчал больше, смотрел и тяжело дышал. Третий же, сухощавый хмырь, едва ли выше меня ростом, очень походил на засушенную копию Иштвана. Разве что поменьше. И с массивной золотой цепью на шее. Тоже граф какой-то...

Вся троица держалась немного особняком в тени графа, вперед не лезли, но было что-то, что выделяло их общность. Например, то, как на них смотрели остальные, как они группировались между собой, как в рот смотрели королеве и становились задумчивы, выслушивая каждое её решение.

Особенно когда пошли посетители по более важным вопросам.

Королевский казначей, тип с мутными глазами запойного пьяницы, но в строгом камзоле и с заляпанными чернилами пальцами, рапортовал об уменьшении запасов золота в казне. В качестве меры просил одобрить какие-то указы от позапрошлого... Ой, чуть не свалился. Надо же, лакеи поддерживали. Вот теперь понятно, зачем они рядом с ним вышли.

Королева, переглянувшись с толстяком, разом подняла налоги на пиво и соль.

Казначей клятвенно заверил, что казна будет наполняться, королева приложила перстень-печать к свитку и отпустила казначея с миром.

Хам-генерал Ипоку, стрельнув по мне взглядом, посетовал на то, что войскам недостаточно выделяется средств. Королева выслушала, обещала подумать. При этом троица переглянулась с графом Дюком, а тот лишь сморщился и сделал странный жест ладонью, вроде как «не мешать».

Дальше выступил еще один алконавт, отрекомендовавшийся замковым управителем. Сверкнув похмельными очами и обдав запахом перегара, управитель испросил средств на очистку колодцев замка от нечистот. Скрепя сердце выделили. В следующий раз королева посулила выделить плетей управителю, если хозяйство замка будет так же запущено.

Пока суд да дело, наступил вечер. Лакеи стали вносить столы и расставлять на них кушанья, выдвигали из углов тяжелые стулья с высокими спинками.

Вот тут-то я воочию и узрел то, что до того только на картинках видел. Да, на картинках. Создатели фильмов всегда экономили на пиршественных столах средневековья, даже на муляжах и то разориться можно. Не говоря уж о количестве пирующих.

Столов было три, расставленных буквой «П». Один, поменьше, для королевы и наиболее близких к ней личностей. Тут-то мои подозрения насчет партии полностью подтвердились, все сели по правую руку, меня посадили по левую, с другой стороны меня подпер хам-генерал, и тут не снявший парадных доспехов.

Два других стола, длинных, составлены из досок, положенных на козлы. За них все садились на первый взгляд как попало, но это только на первый! Места поближе к королеве ценились. Дворяне толкались, пихались, огрызались. Была даже небольшая драка за место, один дворянин незаметно так подставил подножку, а потом ловко толкнул в плечо другого, постарше. Тот свалился как куль с мукой прямо в какое-то блюдо, грохот, звон, мгновения тишины – и дикий хохот.

– Выставить вон! – Брезгливо махнула перстами королева. – И чтоб мне до весны не показывался, пьяный невежа! Манеры учи!

Потом началась обжираловка.

Поросенок, зажаренный целиком на вертеле, на блюде, да не один, а десяток. Какие-то птицы, ощипанные и фаршированные кашей со сладостями, вообще без счета шли. Лакеи, отдуваясь, выкатывали бочки вина, вышибали пробки, становились рядом с черпаками на длинных ручках. Венец обеда – целая туша оленя, обложенная яблоками и грушами. Все целиком, продукты не резаные.

Кстати, а есть-то как? Вилки есть, а вот ножей нет. Да где же, должны же быть!

Украдкой огляделся.

Правила-то пользования столовыми приборами есть?

Ну да, как же. Все жрали как хотели, капали жиром и соусами на пуза и воротники, руки обтирали об штаны, рыгали, плескались вином. Кто-то сразу же разбил кубок, кто-то двинул посильнее лакею, чтобы тот поворачивался.

Вынул из ножен острый клиновидный кинжал и попытался отрезать мяса себе.

Тупой, зараза такая. И острое... Какая тварь придумала затупить острое? Это что, чтобы я не порезался, или просто фасон такой?

Согнул нож в дугу, положил на стол, стал орудовать жесткой двузубой вилкой. Краем вилки тоже можно себе кусок-то откромсать, да к тому же кого стесняться? Выбрал яблоко побольше, грыз его потихоньку, отрывал себе мяса от бока поросенка, скворчащего жиром. Это вам не магазинное, это лично повар для королевы делал, не абы как!

Хлеба были горы, нежнейшего белого. Булки такие круглые, как мне утром приносят, их ели целиком, не разламывая на части. И варенье, куда ж без него, большие глиняные плошки забиты под завязку. Но сладкое... Пивка бы! Или уж вина, если на то пошло. Или настойки даже... Запить бы чем все это!

Поискал на столе. Нашел большой кубок, размером под две моих руки. Подвинул только, как сразу мне по рукам досталось.

– Рано тебе ещё!

Ну, конечно. Мама моя.

– Пить хочу! – капризно сказал я.

– Потом напьешься. Уж твой покойный отец... – Слезинка. – Пил-пил, да и допился! Не дам! Вот не будет меня, тогда уж и делай что хочешь, а покедова нет!

– Может, чай?

– Какой такой? Это что еще? – не поняла королева. – Ну-ка, хватит баловать!

И мне был выдан подзатыльник.

Так и сидел филином весь обед.

Гости перепивались быстро и надежно.

Под стол начали падать первые пострадавшие в битве с зеленым змеем.

Кого-то выносили слуги, кого-то охрана отправляла проспать в комнаты наверху. Поддавшего гуляку, вздумавшему кулаками махать, мигом скрутили и уволокли. Через пару минут до нас, перекрывая общий гам, донеслись вопли поротого.

А тут шумно. Общий гам... Ну точно как птичий базар, ничего не понять, но говорят все друг другу. На подиуме играет оркестр, пяток личностей в черном уныло дергают струны чего-то, похожего на контрабас, и дудят в гнутую трубу. С трудом так, видно, что зеленый змий и их не оставил своим вниманием.

Зажгли большие факелы. Зал озарился малиновым цветом, сразу появилась куча просто темных углов.

Аристократы один за другим покидали пир, кто еще был в силах, так тот преклонял колени перед королевой. Кто не был, того просто выносили. Причем всех несли ногами вперед. Древний красивый обычай такой тут, наверное, всех напившихся из зала вперед ногами выносить.

– Танцы! – объявила королева, тяжело поднявшись. – Объявляю танцы!

Слуги сдвинули столы, пьянчужек растащили, и зал заняли танцующие.

Мне за ними наблюдать было странно. Как-то я привык к дискотеке «Василёк», где народ судорожно дергался под ритмичную и быструю музыку. Конечно, клубную музыку не понимал вообще, но вот что тут творилось...

Место музыкантов заняла следующая пятерка, причем музыкальные инструменты не сменились. Как и сама музыка.

Дамы и кавалеры принялись ходить друг напротив друга, при каждом шаге отвешивая друг другу поклоны. Причем поклоны не простые, а странные, с подвывертами какими-то... Шаг, поклониться только головой, шаг, всем телом, шаг, еще раз головой... И вот так под унылую музыку такие же унылые телодвижения.

Спать от таких танцев хочется.

Подперев голову рукой, я задремал. Спать нормально мешала музыка, хоть и плохая, но громкая.

Танцующие и напитки не оставили вниманием. Вино-то со столов никто не убирал.

Американский фуршет с танцами, вот что это такое. На столах алкоголь, на сцене танцуют, при надобности добавляют дозу до максимума.

Кто-то, уже хорошо набравшись, пытался танцевать, да не очень у него это выходило. Шаг, поклон, шаг, поклон... Бах на пол!

Таких выволакивала охрана.

Когда я провожал задумчивым взглядом одного такого натанцевавшегося, меня что-то схватило за запястье и сильно дернуло за палец.

– Ой! – Я дернулся, машинально выкрутил руку из захвата и посмотрел на источник беспокойства.

Мама моя, королева, кто ж еще.

– Давай-ка сюда, неча тебе еще такие игрушки носить!

Королева неожиданно сильно ухватила меня за правую руку и дернула за пальцы так, что едва кости не треснули. Много ли пацану надо?

Я легко выкрутил руку из влажных пальцев королевы, чуть отодвинулся, упираясь плечом в бок золотой кирасы генерала Ипоку. Тесно ведь, со всех сторон зажат, и матушка царственная так и тянется, норовя утащить кольцо вместе с пальцем.

И тут я ощутил чей-то взгляд.

С другой стороны стола, напротив меня, стоял граф Дюка и глядел на меня тяжело, зло. Заметил, что я на него внимание обратил, и требовательно протянул ко мне руку.

«Нет, в этом сне надо срочно взрослеть!» – подумал я, снимая с пальца перстень с печатью и передавая графу. Хотелось сказать что-то дурное, от соблазна не удержался.

– Мама, а когда мне дадут такое же кольцо? – плаксиво спросил я.

– Когда ты вырастешь, сынок! – подпустила слезинку мама, нервно ныкавшая кольцо куда-то в одежду. – Ты тоже получишь перстень, ты будешь большим королем! Только вот меня тогда с тобой не будет... – И промокнула глаза кружевным платочком.

На эту ночь ко мне никто не пришел.

Хотя я, чего уж там, ждал. Очень ждал. Ну, нет и не надо, хоть выплюсь. К тому же обидно будет проснуться обкончавшимся на дежурстве, это ж даже не знаю что... Мишка может и проболтаться!

Так что спокойно выспался, утром сдал смену и поплелся домой отсыпаться.

Глава 10

Истопи ты мне баньку по-белому...

В. Высоцкий

Пока дошел до дома, спать совершенно расхотелось, зато захотелось активности.

День впереди полностью свободен, и... И? Что дома-то сидеть в такую погоду хорошую? Пойти, что ли, в парк? Там пиво есть, и много! Тем более что парк от меня близко.

Собрался и выдвинулся.

А в парке меня ожидал сюрприз. Молчан, в кольчуге, со щитом и с полуторным мечом на отдельной полянке рубился с почти что настоящим тевтонским рыцарем. Рыцарь явно проигрывал в классе и в весе.

Встав в жидкую толпу зрителей, на треть состоявшую из таких же одоспешенных типов, а на две трети из обычных зевак, включился в процесс. Отказался от «настоящей медовухи», которую тут распродавали бойкие девицы под руководством смурного чернявого типа, купил минералки из палатки с холодильником... И стал болеть.

Молчан быстро задавил рыцаря, но следующий его соперник был поостроже. Кольчуга, поддоспешник, шлем с личиной, латные перчатки и сапоги с железными полосами.

Начался бой. Вот тут Молчану пришлось солоно.

Быстро выяснилось, что соперники не уступают друг другу ни в чем. Мечи мелькали в воздухе, как вязальные спицы в руках бабушки. Сталкивались, расходились, сходились, кружили друг вокруг друга.

Что происходит на вытоптанной поляне, я перестал понимать уже через пару секунд. Воины плавно ускорялись, перемещались. Вроде бы одно за другим, рубят друг друга как дровосеки. Только стук деревянный стоит. Но видно, что противник Молчана бьет в основном сверху, целит в руки и даже в ноги умудрился провести удар, а сам Молчан рубит по туловищу, наотмашь.

Минут через пять соперники начали выдыхаться. Молчан пропустил сильный удар в ногу, припал на бедро и не успел вскинуть меч, его противник оказался быстрее, сбил с ног плечом.

– Окончено! – крикнули справа.

– Ну... Хорошо так! – сказал Молчан, снимая с себя шлем.

Его соперник тоже скинул шлем, слабо улыбнулся и тут же склонил голову, подобрал шлем и меч под мышку, удалился.

– Какие люди! Привет!

– Привет, привет! – Молчан стянул перчатку, пожали руки. – Ну, как тебе?

– Да ничего так... – Я покачал головой. – Здорово вы!

– Ну, а ты думал? Мы тут каждый выходной занимаемся. Ребята еще и из «Муромца» подходят, это соседний клуб. Народ вон приходит. Иногда даже групповые устраиваем.

– Ого... – Я поглядел на нескольких рыцарей. В шлемах-ведерках, при копьях и двуручных мечах, с пивом «Балтика-3». На бутылках явно выделялась изморозь.

– Пиво холодное... – задумчиво протянул я.

– Привет, Игорь! – К нам подошел высокий и полный человек в серой кольчуге. – Твой друг с нами не хочет? Мы как раз вот тут группу копейщиков собираем...

Ну, отчего бы и нет?

– Что делать-то надо?

– Да ничего особенного, постоишь... Вот Игорь еще мечом помашет. Телевизионщики приехали, снимать будут.

Копейщикам выдавали кольчуги попроще, длинные копья с выкрашенными серебрянкой наконечниками, навешивали картонные шлемы и бутафорские мечи. Потом мы выстроили в колонну и ходили взад и вперед под прицелом телекамер. Зеваки заглядывались, предлагали по пиву и даже фотографировали.

Дальше Молчан вытащил меня из толпы, выдал первый попавшийся «настоящий» меч и кольчугу. Немного с ним постояли в сторонке, куда зеваки особо не смотрели. Потом еще постояли с тевтонским рыцарем, который отрекомендовался бароном Гюго, в миру Алексеем. Высоченный и светловолосый, задал мне он жару, хотя Молчан делал его без труда.

Меч мне по руке подбирали долго, Молчан и Гюго долго рылись на пару в ящике, полном разного железа. Потом выбрали один, поднесли мне, сказали взмахнуть.

Я стал махать, так, как показывал отрокам пьяный сержант в моем сне.

Гюго и Молчан одобритительно кивали.

Потом выбрались на берег реки с пивом и смотрели на закат, а потом я шел домой пошатываясь. Две бутылки пива почему-то оказалось слишком много.

Короче, день прошел не зря. Разве что напился сильно.

Посмотрим, как пройдет ночь... Интересно, а я там тоже пьяным буду?

А вообще, хорошо – не дают тебе пить тут, пьешь там, а не дают пить там, пьешь тут. Всегда пьяный и веселый!

Заснул не скоро. Пока еще дошел до дома, в метро решил не спускаться. Ну, на полчаса дольше пройду-то, так и что с того, проветрюсь, только трезвее буду. Пока обед себе сготовил. Пока родителям по телефону объяснил, что все со мной в порядке и кушаю хорошо. Пока еще на балконе постоял, проветриваясь.

Лег в кровать, ворочался долго, смотрел в темный потолок. Голова немного кружилась, за окном проносились машины, ветер мел ветками березок. Становилось все тише и тише, звуки стали вдруг отступать от меня куда-то вдаль, и...

Закрыв глаза, открыл.

Вот и мой сон, здравствуйте. Грохает било в блюдо, входят слуги и несут одежды, а потом и еду, вкусно пахнет-то как, м-м-м...

И легкий такой хмель тоже есть, из моего мира остался.

Завтрак обошелся без Иштвана.

Меня одели, умылся, поел. Опьянение не проходило, меня даже чуть шатало. Вот здорово! Мечта алкаголика, нажраться так, чтобы никто не догадался.

До полудня мы с мастером Клоту катались по городу.

Ничего в общем особенного, та же охрана, те же улицы, стены и сады. Встречные кланяются, но уже не так усердно. Иногда вовсе предпочитают не замечать. Лакей тоже прекратил плеткой махать, устроился с важным видом поодаль.

Ну, все понятно. Власть вернулась в город. Теперь, ежели что, то тогда ой-ой сразу!

Как-то незаметно бричка выехала на берег моря.

Долгий пляж, чистейший желтый песок, сосны на берегу. Дорога делает петлю и уматывает куда-то вдаль, никого не видно. Разве что на мысу, выдающемся далеко в море, торчит крепость. Мыс в море далеко вдается, видно со всех сторон. Здоровенные валуны, о которых бьется легкая зыбь, заросли водорослями и мхом.

– Купаться, – вдруг решил я. И было от чего. Тут я уже долго, а из всей гигиены разве что умывался и розовыми лепестками обтирался. Вообще, в воду и с мылом хотелось аж жуть.

Бричка остановилась, колеса стали вязнуть в земле.

– Ваше высочество, вам нельзя!

– Ты что, доктор, шлёпнулся? – прямо спросил я. Перед пляжем мы стояли как раз, вода в море ласковая и теплая, я только что проверил. – Вши загрызут!

– От вшей надо применять вошебойки, ваше высочество! – всполошился мастер Клоту и, пробежав прямо по песку, заступил мне дорогу к морю. – Вам нельзя мыться, вы перенесли тяжелую болезнь!

– – сказал я. Странно, во сне совершенно не получалось ругаться. Смысл слов-то вроде бы знаю, а вот произносить их почему-то не получается. Какое-то сипение, шипение, взрывкивание даже.

Доктор застыл. Где-то позади застыла охрана, делали вид, что это их не касается. По сторонам вообще не смотрели, только во внутренний круг. Тренируются они так делать, что ли?

– Дк... Др... Лекарь! Слушай сюда. Я, его высочество, говорю – купаться надо. Потому и буду купаться. Вот прямо сейчас. Что тебе не нравится-то? Море-то теплое?

– Ваше высочество! Вода смывает кожу... То есть самый здоровый слой кожи, открывая для болезней...

– %№*\$ amp;! – сказал я. Обошел мастера Клоту, замершего истуканом, стянул с себя одежду и пошел в воду.

Хорошо!

Блаженство!

Море ласковое и теплое, вода пресная, как в реке. Плавать я не умел, потому просто зашел по шею, покачивался на волнах. Ровный белый песок, ослепительно-белый такой, мелкий. Красиво и спокойно. Ни камешка, дно ровное и мягкое, приятно ступать на него.

Надо будет в замке найти купальню или что там еще есть. Мыло найти, я видел, тут полы мыли чем-то таким, не розовыми лепестками же мне мыться? Или баня, вроде бы в средневековье должны были быть бани...

Поплескался еще для приличия, вышел.

Лакей расторопно подал мне большое полотенце, выуженное из сундука под задним сиденьем брички.

– Ваше высочество...

– Так, стоп. Лекарь. – Я строго посмотрел на мастера Клоту. Ну, как строго, как получилось. Тут мне лет мало еще, чтобы строго смотреть. – Давай-ка мы с тобой договоримся так... Когда я болею или когда мне плохо – я об этом говорю, и ты меня лечишь. А пока что... Где тут, в городе, есть купальня? Хорошая?

Есть такие, конечно же, общественные купальни. И в замке есть, личные. Доступ открыт... Для дворян, конечно же. А уж принцу-то кто запретит?

Лежать в подогретой раскаленными камнями воде было одним наслаждением. Лежишь так себе, смотришь в потолок, который покрыт расписной лепкой. Тебя трут мылом, плохим и жирным, от кусков остается на теле жирная желто-грязная пленка, потом снова ныряешь в воду, которая чернеет. Еще один слуга носится туда-сюда, вытаскивает остывшие камни и кладет в воду новые, горячие. Кладет подальше от меня, чтобы не обжечь.

В углу расположился до ужаса несчастный мастер Клоту, бдит.

Сначала как-то стремался принимать ванну при таком количестве свидетелей.

Раздевание, как известно самому глупому человеку в мире реальном, процесс сугубо интимный и не предназначен для обозрения большого круга лиц. Хотя, наверное, Маша с Женей, две девушки из модельного бизнеса, меня поправят, что процесс сей не для большого круга лиц, если за то большие деньги не платят.

Но с другой стороны, я ж перед доктором раздеваюсь, а слуги тут это предмет мебели, не более.

Присмотрелся к своему телу.

Сны не сильно меня обидели.

Паренек обычный, я сам лет пять назад такой был, пока спортом не занялся. Руки-ноги тонкие, на левой руке идет шрам, как от сильного ожога. Это когда меня будить пытались, врачеватель прикладывал раскаленное железо. Доктор Менгеле, чтоб ему пусто было. Ногти на ногах и на руках подстрижены аккуратно, пальцы тонкие, мальчишеские, костяшки не набиты. А у меня набиты были... Мышцы слабые, дряблые, грудь безволосая, пах вот только чуть зарастать начал... Хотя?

О нет... Ну на кой тут грудь брить-то? Волоски вот как раз пробиваться начинают, мелкие красные точки обозначились, и кожа дико чешется. Что за обычаи дурные? Надо бы их отменить... А если уж местных жителей так поросль на груди оскорбляет, то я тогда буду рубашки с высоким воротом носить.

Откинулся в купальне, расслабился. Лицо немного чесалось, отросшие волосы чуть щекотали затылок. Надо будет подровнять и хорошо вымыть... Интересно, а тут что-то вроде шампуня есть?

Нерешительно придвинулся полноватый лакей с ножницами и еще какими-то принадлежностями. Точильный камень, что ли?

– Ты чего?

– Стрижка, ваше высочество! – поклонился лакей.

– Так давай, стриги...

Лакей поточил на камне большие ножницы и принялся за мою шевелюру. Ножницы глухо щелкали, вниз летели клочья волос. Быстро, сноровисто. Полные руки пережимали пряди, ножницы быстро отхватывали кусок, потом снова.

– Короче стриги! – потребовал я.

Ножницы отлетели как ошпаренные, а лакей низко склонился передо мной. Потом стал стричь короче. И ведь это не классика «под горшок», когда на голову надевают горшок... Кстати, всегда думал, а почему именно «под горшок»? Что, горшок обязательно надевать? А почему нельзя обойтись ленточкой, вокруг головы повязанной?

Шик-шик-шик... Ножницы порхали вокруг моей головы, иногда слуга останавливался и затачивал их снова. Закончил, щелкнул пальцами, пара негров подтащили поближе зеркало.

А что, ничего получилось. Чуть побольше сверху, чуть поменьше по бокам. Ладно, это ж сон, и так сойдет.

Взмахнул рукой, прогоняя их, откинулся назад, прикрыл глаза. Теплая вода приятно ласкала тело, свежая голова обдувалась легким теплым ветерком. Как же хорошо... Вот век бы такое снилось, а?

Идиллии помешал слуга, прооравший у двери:

– Ее величество! Королева! Соединенного Королевства Ильрони! И Альрони! Приглашает его высочество! Наследного принца! Соединенного Королевства Ильрони! И Альрони! Прибыть в королевский парк!

– Прибуду, – сказал я, со вздохом выползая из купальни. – Эй, а ну стоять! Покажешь дорогу!

Слуги подали мне мою одежду обратно. Конечно, хотелось бы переодеться в чистое, да нет ничего. Не голяком же через весь замок шлепать-то?

Идти было не очень долго, просто обогнуть здание, да и все. Уже на подходе я заметил небольшую свиту, лакеев, негров с опахалами, стоящий на земле паланкин.

– Матушка. – Не нашел я ничего умнее, как поклониться.

– Сын, – голос королевы был ледяным. – Мне надо с тобой серьезно поговорить.

– Конечно, матушка. – Снова коротко поклонился. А про себя подумал, что если будет по заднице ремнем бить, вырываться буду. До последнего. Если на вид я ребенок, так всякий обидеть сможет?

– Дошли до меня слухи, что в мое отсутствие вел ты себя не хорошо! – строго, нахмутив брови, сказала королева. И была она чем-то очень сильно злая.

Интересно, что же я такого успел натворить-то за время ее отсутствия? Может, бочки с вином для народа лишние были? Ох, отольются мне сейчас те бочки и народные гуляния!

– Несправедливо, матушка! – ответил я. – Пили-то городские, а я при чем?

Лицо королевы начало краснеть, как металл, накаляемый горелкой. Аж в синеву ударилося...

– Ах вы еще и пили? – Тон вдруг сорвался на визг. – Ах ты! Только подрос, и сразу шашть? Что бы сказал твой покойный отец? А???

От пощечины я не уклонился, голова мотнулась как на нитках.

Упасть мне не дали, схватили за шкирман, который сразу же затрещал, вздернули на ноги и толкнули. Я оказался посреди двора, ничего не понимающий и со звоном в ушах. Рука тяжелая у королевы.

Сейчас лупить будут...

Но не стали.

Все тогда оказалось намного хуже.

– Смотри! – визгливо приказала матушка. – Вот твоя шлюха!

– Да что слу... – Я осекся, когда оглянулся.

Тройка стражников, полукругом. Почему-то отводят глаза. В центре стоят двое. Один в возрасте такой мужик и широкий, на комод похожий. Ручищи здоровущие, в заляпанном переднике, из-под которого высовываются грязные, бурые кожаные штаны, заправленные в сапоги. Сапоги тоже бурые, заляпанные чем-то.

А что это за существо рядом, в дерюге? Знаете, как в фильме «Рэмбо. Первая кровь» – там еще Сильвестр кусок брезента рубашкой сделал. Дырку прорезал, проволокой опоясался...

Господи! Да я ж ее совсем недавно...

– Принц, – сказали искусанные, распухшие губы. Острые обломки зубов, кровь залила весь подбородок.

Глаза. Посмотрев ей в лицо, я наткнулся на ее глаза и не смог отвести взгляда.

Зеленые глаза, пару снов назад смотревшие с расчетливой страстью, теперь смотрели... Не знаю, как они смотрели. Сергей-большой, прошедший в свое время несколько локальных войн, повидал там многое, о чем как-то по пьяни рассказал в красках и лицах. Вот он бы смог описать. Я не смог.

Наверное, это боль? Или просто удивление? Была красавица, умница. Все мужики стойку делали. Были гладкие груди и розовые соски, плоский животик, нежные волоски на лобке, стройные бедра и упругая попка, детское личико с упрямо вздернутым носиком. И был шепот ночью: «Возьми меня, принц, возьми меня еще и всю! Я твоя! Ты лучший...»

Кончилась красавица и умница.

Лицо мертвое, остановившееся. Застывшее где-то «тогда», когда еще не было так больно. На внутренней стороне бедер кровь и синяки, на полу под ней тоже кровь, быстро капает и собирается в круглые, подернутые пылью лужицы.

Ветер трогает гриву темных, пушистых волос, щиплет по волоску.

– Что... Как? – Вдруг я понял, что говорю эти слова. Повторяю их раз за разом.

Что за сон! Проснуться, быстрее проснуться!

Налетел ветер, трепанул порванную дерюгу. Палач, широченный как два меня, поклонился и отступил в сторону.

Девушка покачнулася, но не упала.

Нашла своим взглядом мои глаза.

И зашлась в диком, хриплом стоне на одной ноте.

– Сучка! – прошипела королева откуда-то из-за края мира.

Я молчал, никак не мог разорвать взгляд. Шаг, другой вперед... Руки солдат опустились мне на плечи. Слабое, слабое тело!

И тут как мурашки заскакали по рукам и ногам, в голове стало просто и светло.

Спокойно. Спокойно. Теперь надо успокоиться и попытаться... Всеми силами! Ведь она может быть еще жива, и на кого ей рассчитывать, кроме как на меня? И если я сейчас начну называть королеву теми словами, которые у меня сейчас на языке, то... То ничего хорошего! А потому язык в задницу, попробуем иначе.

– Мама! Та девушка ни в чем...

– Замолчи! – взвизгнула королева. – Она не пара тебе! Еще раз услышу...

– Да пусть так! Но в чем она виновата! Прикажи выслать из столицы... И пусть тут хоть пять, десять лет не показывается! Так-то зачем? Что она пло...

– Кому сказала? – Визг на три тона громче. Почти что ультразвук.

А люди-то вокруг шарахнулись, сделали вид, что ничего нет.

– Сорок розог! – выкрикнула королева. – Нет, пятьдесят! И сучку на кол! Си-ийчас жиинии!

А мамаша-то истеричка.

Палач ухмыльнулся, одним ловким движением сдернул девушку с ног, закинул себе на плечо и понес прочь.

Тут мне в глаза плеснуло яростью, самым настоящим бешенством, которого у меня никогда и в реальности не бывало.

Руку справа, держащую меня за плечо, я оттолкнул неожиданно легко. Слева так не прошло, второй вцепился мне в руку, как клещ. Ну, это уже совсем классика. Руку другую сверху, прижать ладонку, выкрутиться против большого пальца и толкать против локтя загнувшегося противника. А потом пинка в задницу, не выпускать из захвата, должен упасть и поломаться. Но не упал, только покачнулся. Слабый я тут, совсем слабый, и мелкий. Вот был бы побольше, то получилось бы получше. А пока еще раз пинка, пусть с дороги идет!

Стражники шарахнулись в стороны. Я бросился вслед за палачом, мимо опешившей королевы, хватавшей воздух как рыба, выброшенная на сушу, успел даже почти что, как меня схватили сзади за шкуру и дернули.

Летел я, как пробка из бутылки, грохнулся спиной вперед, пропахав в пыли небольшую борозду. Больно, однако! Какой там группироваться, это в зале получалось, а вот тут как-то не очень!

Ну, кто ж так мог поступить, кроме нашего друга, хама-генерала?

Морда в шлеме с нашечниками возникла рядом. Неподалеку маячил еще один, граф Дюка. Одет так же, как и в тот раз, когда я его впервые увидел. Халат, сабля, кинжал. Бесстрастное, скучающее лицо.

Дальше я уже как-то слабо соображал, всё как-то пошло кадрами.

Раз, первый кадр. Я на ногах, уворачиваюсь от руки. Пятерня генерала, большие толстые пальцы-сардельки, уже готова схватить меня за встрепанную прическу, но я приседаю и двигаюсь вперед, так что пятерня лишь месит воздух.

Следующий кадр. Генерал шарахается в сторону, обеими руками удерживая мою руку с кинжалом. Он схватил меня за запястье, а на панцире у него царапина, длинная, острая. Я, забыв про все, давлю и давлю кинжал дальше, и удивляюсь, почему же так медленно получается.

Следующий кадр. Граф Дюка рядом, я вижу его скучающе-бесстрастное лицо в обрамлении аккуратно подстриженной и напмаженной бородки.

Следующий кадр. Валяюсь на земле, лицом вниз, на спину мне наступает сапог графа Дюка.

Все. Аллес. Атака закончена. Вывернуться не получается. И полный рот пыли.

– Вставайте, ваше высочество! – Меня подняли за шкуру. Попробовал сопротивляться, да куда там, рука у графа железная, еще и подзатыльник получил.

– И как это понимать, сын мой? – спросила королева.

Я болтался в руке графа, как связка труб на стреле подъемного крана. Ноги до пола не доставали.

– Сын мой! Как это понимать? Я тебя спраши-и-и-иваю! А ну!

Я молчал, и граф меня встряхнул сильнее обычного.

– Отвечай!

Меня поставили на землю.

Я молчал. Что тут говорить, что тут можно сделать? Да ничего не сделать, хоть я в этом сне и наследный принц. Власти-то тут у меня не так много, даже бабу нельзя вы...

Пистолет. Иж-81, что у нас. Или «Рем», Remington 870 с патронташем, как раз бы было. Сначала прострелить башку графу Дюка, а уж потом можно крошить всех...

Между тем граф Дюка в сопровождении Сухой Воблы, графини Нака, и нескольких человек личной охраны поволокли меня в парк, уложили пузом вниз на колоду, стянули штаны. Приволокли розги, за моей спиной встал дюжий лакей...

Ну, что дальше-то объяснять. Вжик, вжик, получите, распишитесь.

Граф Дюка меланхолично приятным басом заметил:

– Иногда особы королевской крови, подвергнутые наказанию, грозят мстью и карами исполняющему наказание... Принц.

Я посмотрел на него. Внимательно.

Меланхоличность на лице графа стала чуть более задумчивой.

Сухая Вобла, графиня Нака, лишь саркастически улыбалась, жадно глядя на происходящее.

Как оказался я в своих покоях, не помню. Кажется, приходил мастер Клоту, как бы извиняясь посмотрел на меня, показал баночку с мазью.

– Нет необходимости, мастер, – спокойно ответил я.

Мастер еще раз глянул виновато и исчез.

Через некоторое время в парке перед Западной башней была казнь. Женщина кричала не очень громко, но долго и страшно, а когда сорвала себе горло, стал слышен деловитый гомон придворных. Крик погас, гомон стал громче, рассасывался. Люди расходились по замку, обсуждая увиденное.

Меня накрыла пустота.

Проснувшись, я с трудом сфокусировал взгляд на потолке. И вдруг, сам для себя неожиданно, зарычал, скомкал подушку и швырнул в стену. Бешено оглянулся и саданул рукой, кулаком, не глядя.

Очнулся уже, когда соседи стучали в стену.

Долгий звонок в дверь.

Плеснув на лицо воды, пошел открывать.

Сосед, неплохой вроде бы мужик.

– Серег, ты что тут? Серег... – Неплохой вроде бы парень отшатнулся, сделал даже пару шагов назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.